

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Невскомъ просп., у Казанск. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ

Путевые очерки.

I.

Отъ Орска до Иргиза.—Слободка Новый-Ташкентъ.—Обработанныя земли.—Эксплуататоры.—Станція Токанъ.—Воспоминанія.—Кыргизскія зимовки.—Насмѣшница.—Ночь.—Спящій аулъ.—Степное озеро.—Фортъ Кара-бутахъ.—Кыргизскія пашини.—Рѣка Иргизъ.—Городъ Иргизъ.—Непонятный выборъ мѣста.—Базаръ-пустыня.—Преддверіе «кара-кумовъ».

Вчера, поздно ночью, мы переправились черезъ р. Уралъ и остановились на ночлегъ въ одной изъ гостинницъ Орска.

Значить, придерживаясь мнѣнія учебниковъ географіи, мы въ данную минуту находились въ Азіи. Европа и все европейское осталось за нами... Настоящее путешествіе начинается именно съ этой минуты. Разсчитывая съ завтрашняго же дня видѣть много интереснаго, я заранѣе вытащилъ на свѣтъ божій альбомы и записныя тетради, карандаши и перья, и приготовился начать свои работы.

— Поѣдете «Новымъ-Ташкентомъ» —назадъ поглядывайте:—какъ-бы чего не сръзали...

— А что?

— Народъ ухарскій—тамошніе-то. По шерсти и кличка.

Такъ предостерегалъ насъ хозяинъ гостинницы въ Орскѣ, гдѣ мы провели ночь, осмотрѣвъ тщательно наши укладки, особенно тюки и чемоданы, привязанные сзади экипажей.

Мы знали, что хозяинъ человекъ опытный и мѣстные нравы знающій; а потому, не пренебрегая добрымъ совѣтомъ, пообѣщали

ему «быть осторожнѣе и назадъ поглядывать», распростились съ нимъ и тронулись.

Гремя гайками, покатались нашъ тарантасъ по безлюднымъ улицамъ унылаго Орска. Звонъ колокольчика взбудоражилъ собакъ, встревожилъ верблюдовъ, лежавшихъ сплошными рядами на базарной площади, вызвалъ въ оконныхъ рамахъ нѣсколько заспанныхъ фizioномій и, нарушивъ утреннюю, раннюю тишину еще спавшаго города, принялся въ свою очередь будить заспавшихся обитателей «Новаго-Ташкента».

Года три тому назадъ, нѣсколько семействъ переселенцевъ изъ Сибири прибыло въ Орскъ, и имъ разрѣшено было поселиться въ его окрестностяхъ,—въ сторону къ степямъ. Черезъ годъ, къ этому поселку прибавилось еще десятка два домиковъ; въ прошедшемъ году, изъ Самарской губерніи еще прибыло до тридцати семействъ и тоже пристроились къ первымъ—и, такимъ образомъ, близъ самаго Орска, образовалось новое предмѣстье, названное почему-то «Новымъ-Ташкентомъ».

Судя по предостереженію хозяина гостинницы, переселенцы не пользовались хорошою репутаціей. Да и самый видъ этого предмѣстья не внушалъ особеннаго къ себѣ довѣрія.

Мрачные домики, кое-какъ срубленные изъ неотесанныхъ бревенъ, большею частью безъ крышъ, съ однимъ потолокомъ, покрытымъ на полъ-аршина землею, поросшимъ высокимъ бурьяномъ и лапушникомъ, смотреть на улицу крохотными, подслѣповатыми окошками—кое-гдѣ блеститъ стеклышко,—кое-гдѣ бѣлѣетъ бумага, чаще просто зияетъ черное отверстіе... Дворы не огорожены; кучи топлива и соломы, наваленныя въ безпорядкѣ, тощія коровы и лошади—послѣднія въ очень умѣренномъ количествѣ—тряпье и лохмотья одежды, повѣшенныя на веревкахъ для просушки—все это вѣетъ отсутствіемъ довольства, полнымъ невниманіемъ, даже пренебреженіемъ къ хозяйству, какою-то крайне подозрительною безпечностью, чѣмъ-то такимъ, что невольно заставило насъ вспомнить напутствіе и внимательно поглядывать назадъ—«какъ бы чего такого»...

А вотъ и дощечка подъ дверью одного изъ домиковъ болѣе приличной наружности... Такъ и есть! «Ренсковый погребъ—распивочно и на выносъ»... Вотъ еще одна, напротивъ... Вонъ, за угломъ забора, на задворкѣ, еще... Тамъ, уже безъ затѣй, прямо на оконной ставнѣ мѣломъ написано что слѣдуетъ... Надъ какимъ-то шалашомъ безъ оконъ, съ углубленною лавейкою, вмѣсто двери, на шестѣ покачивается пустая бутылка—молчаливое приглашеніе... Наконецъ, совсѣмъ уже на выѣздѣ, на отлетѣ, яремъ

бѣлымъ пятномъ на зеленой лужайкѣ, словно снѣжная глыба сверкая на утреннемъ солнцѣ, виднѣется холщевая палатка; надъ нею развѣвается красный платокъ и виситъ полуштофъ на тонкой бичевкѣ... Внизу, изъ-подъ полы торчатъ чьи-то ноги безъ сапогъ; съ противоположной стороны торчатъ другія,—еще обутыя... У самой дороги, навзничъ, на всю степь храпить синяя, запла-танная чуйка,—пѣгая корова усердно облизывается своимъ шер-павымъ языкомъ,—гуси бродятъ по близости и видимо сторо-нятся...

— Этотъ кабакъ «Во-лузяхъ» прозывается — таперича онъ, вплоть до самаго Кара-бутака послѣдній — пояснилъ ямщикъ и какъ-то машинально началъ сдерживать тройку.

— Трогай, братецъ, трогай!...

Покосился на насъ ямщикъ не то съ недоумѣнiемъ, не то съ выраженiемъ обидной снисходительности къ намъ, не пони-мающимъ всей прелести минутной остановки «во-лузяхъ»... Од-нако—дѣлать нечего, вздохнулъ и выместилъ свою досаду зама-хомъ кнута по всѣмъ тремъ гнѣдымъ спинамъ, покрытымъ на-борною, ямскою сбруею...

Справа и слѣва тянулись полосами свѣжiя, черноземныя паш-ни; за ними, волнистою линiею, виднѣлись холмы, мало по-малу понижающiеся, становящiеся все отложе и отложе, словно распо-лающiеся по безконечному степному горизонту. Зелени мало было видно;—вкругомъ, куда только ни достигалъ глазъ, всюду виднѣ-лась взрытая плугомъ земля. Верстъ двѣнадцать уже проѣхали мы, а все не прекращались пашни, все еще виднѣлись слѣды обработки—то прошлогодней, то нынѣшней,—свѣжей... Тамъ и сямъ торчали шалаши и палатки; кое-гдѣ видны были срублен-ныя бревенчатыя сторѣжки,—оставленные на полѣ плуги и бо-роны, телѣги и сбруя... По межамъ бродилъ рабочiй скотъ, пас-шiйся подъ наблюдениемъ черномазыхъ киргизовъ-работниковъ...

Года три тому назадъ я проѣзжалъ этою же дорогою; тогда пашни простирались не болѣе какъ за три-четыре версты отъ Орска. Меня удивила эта перемѣна... Откуда же взялись руки для обработки такого пространства земли.... откуда средства?!....

Законопились народъ рабочiй... Вонъ, вдали, виднѣнъ уже ра-ботающiй плугъ. Мы должны проѣхать мимо него... Вотъ по-ровнялись.

Полуголый киргизъ идетъ за плугомъ; другой—еще мальчикъ, тащить за веревку переднюю пару воловъ. Не вдалекѣ запра-гаютъ еще новый плугъ... Опять киргизы-работники!...

Вотъ тебѣ и «неисправимые кочевники», вотъ тебѣ и «народъ, готовый скорѣе предпочесть смерть, чѣмъ переходъ къ осѣдлости» ¹⁾.

Отрадно смотрѣть на эту картину. Сердце радуется при одной мысли, что вотъ скоро вся степь превратится въ одно сплошное, обработанное поле... Задрѣтеть довольствомъ, домовитостью; исчезнетъ дикость и необузданность нравовъ, свойственныхъномадамъ... начнется... «Стопъ машина!... закрой клапанъ и удержишь!»!...

Нѣсколько торговыхъ тузовъ-маклаковъ изъ Орска и окрестныхъ казачьихъ станицъ нашли себѣ просто очень выгодный способъ, не затрачивая большихъ капиталовъ, почти ничѣмъ не рискуя, нажить себѣ крупные барыши, эксплуатируя степную почву и ея пассивныхъ обитателей.

Ходить за допотопнымъ плугомъ не велика важность... мудрости особой тутъ нѣтъ никакой; не трудно приучить къ этому дѣлу киргиза, особенно если благодатная земля, даже кое-какъ, неумѣлыми руками изрытая, даетъ обильные урожан. А тутъ бѣда стряслась надъ степью: зимняя безкормица, падежъ скота (джюгъ), хивинскій походъ, отвлекшій безвозвратно десятки тысячъ верблюдовъ и тысячи рукъ, неудачно приведенныя къ дѣлу новыя положенія о волостяхъ, написанныя въ далекихъ администраторскихъ кабинетахъ и сообщенныя къ свѣдѣнію и исполненію... Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятые, повели къ тому, что пришлось немало охотниковъ, готовыхъ изъ-за одного только куска хлѣба напяться ходить не только за плугомъ, но, пожалуй, даже подъ ярмомъ, таская этотъ плугъ своими собственными силами.

Были слухи, что обнищавшіе киргизы нанимались за тридцать рублей въ годъ, на своемъ собственномъ содержаніи. Считая, что подобный наемщикъ тратитъ на одежду, обувь и пищу только десять копѣекъ въ сутки, и то ему не хватитъ на годъ шести рублей пятидесяти копѣекъ. А забирая впередъ за полгода и болѣе, несчастный номадъ отдается совершенно въ кабалу предприимчивому торгашу и становится не работникомъ его, а просто безотвѣтнымъ рабочимъ скотомъ своего нанимателя...

Кончаются, наконецъ, обработанныя поля; по степи волнуется сплошной ковыль, серебрится бѣлая кашка, пестрятъ голубые колокольчики и ярко красныя головки мака; пахнетъ полынью и сѣномъ... Одинокое дерево виднѣется вдали, вправо отъ дороги—аулы—святное дерево, получившее святость за то, что, Богъ вѣсть

¹⁾ Выдержка изъ официальнаго отчета одного, должно быть, весьма дальновиднаго степного администратора.

затѣмъ и почему, оно одно выросло здѣсь, посреди безграничной равнины.

Черезъ нѣсколько минутъ быстрой ѣзды по превосходной, гладкой, какъ скатерть, степной дорогѣ, мы подъѣхали къ станціи Тобанъ и лихо подкатили къ тесовому крыльцу новаго станціоннаго дома.

Просторная, чистая и свѣтлая изба для пріѣзжающихъ, снабженная весьма приличною кожанною мебелью и даже стѣнными часами, чисто вымытый досчатый полъ, сверкающій надиво самоваръ и посуда, смотритель въ форменномъ сюртукѣ, услужливый и суетливый, торопливая суетня ямщиковъ на дворѣ и во кругѣ экипажей... Русская рѣчь и русскія красныя рубахи... все это нисколько не удивило бы новичка, не ѣздившаго прежде по орско-казалинскому тракту, но я находился въ иныхъ условіяхъ; я былъ еще прежде хорошо знакомъ съ этою дорогою, и, признаюсь откровенно, съ изумленіемъ смотрѣлъ на все окружающее, не вѣря глазамъ, не вѣря, что все это я вижу на яву, а не какой-нибудь несбыточный сонъ разстроеннаго воображенія.

Для того, чтобы объяснить причину моего изумленія, я позволю себѣ отступить не задолго назадъ, года за три или нѣсколько болѣе, и нарисовать сжатую картину этого тракта въ его первоначальномъ видѣ.

Первый разъ я проѣзжалъ этою дорогою осенью 1867 года. Это былъ годъ реформъ вновь завоеваннаго туркестанскаго края.

Понадобились офицеры, чиновники, разный рабочій людъ, и понадобились въ громадномъ количествѣ. И вотъ все это скопилось въ Оренбургѣ и въ Орскѣ, готовясь къ степному путешествію.

Всѣ гостинницы были переполнены народомъ; по почтовымъ дорогамъ тянулись почти непрерывные ряды экипажей. Большинство переѣзжающихъ были семейные,—и потому,—можно себѣ представить,—съ какими запасами путешествовали они, переселяясь въ край отдаленный, въ которомъ, по крайней мѣрѣ на первое время, трудно, почти невозможно, было найти что-нибудь, удовлетворяющее европейскому требованію комфорта.

Шутники говорили, что осень 1867 года была «великое переселеніе народовъ изъ виленскихъ канцелярій въ ташкентскія».

Вотъ въ это-то бойкое время пришлось и мнѣ, въ первый разъ, проѣхать орско-казалинскимъ почтовымъ трактомъ.

Едва только я выѣхалъ изъ Орска, какъ сразу почувствовалъ, что надолго распростился со всѣмъ, что хотя сколько-нибудь напоминаетъ удобство.

Тройка загнанныхъ, чахоточныхъ клячь, приведенная мнѣ послѣ двухсуточного ожиданія, дотащила меня до станціи только глубокою ночью. Станція, та самая, на которой я находился въ настоящую минуту, состояла изъ полуземлянки, наполненной полуразвалившейся печью и ворохами перегнившей соломы. Міриады паразитовъ кишѣли въ этомъ навозѣ; трудно было дышать отъ заразительной вони, несмотря даже на отсутствіе стеколъ въ оконныхъ отверстіяхъ. Остаться въ этомъ приютѣ не было ни малѣйшей возможности—и я провелъ остатокъ ночи на дворѣ, устроившись кое-какъ въ своемъ экипажѣ.

Дальнѣйшее мое путешествіе было непрерывный, длинный рядъ всевозможныхъ лишеній и пытокъ. Недостатокъ лошадей,—чаще же неимѣніе ихъ вовсе на станціяхъ, задерживали меня по цѣлымъ суткамъ и болѣе. Напримѣръ,—на станціи Джалавли я просидѣлъ четверо сутокъ, и только случайно нанялъ пару верблюдовъ у проходящаго певдалекъ каравана.

Все путешествіе мое, какіе-нибудь девятьсотъ верстъ, до Казалинска тянулось пять недѣль, а я еще находился въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальные путешественники. Я ѣхалъ одинъ и на-легкѣ. Каково-то было несчастнымъ семейнымъ, съ женами и дѣтьми, часто грудными.

Всѣ станціи были не лучше первой, мною описанной. Встрѣчались и войлочные кибитки—старыя, покривившіяся, съ безчисленными дырами въ прогорѣвшихъ войлокахъ, не защищающихъ вовсе ни отъ дождя, ни отъ холода, ни отъ вѣтра.

Зима быстро приближалась,—наступили холода, выпалъ снѣгъ, начались страшные, степные бураны.

Положеніе многихъ запоздавшихъ путешественниковъ было отчаянное. На одной изъ станцій, именно, какъ теперь помню—Бугадты-сай,—я нашелъ семейство въ безвыходномъ положеніи: мужъ, какой-то интендантскій чиновникъ, мертвецки пьяный, должно быть съ горя, пластомъ лежалъ подъ тарантасомъ, и только мычалъ—на всѣ мои разспросы... —«вотъ уже вторыя сутки такъ-то» —говорила мнѣ его жена, кормившая грудью ребенка. Еще двое маленькихъ дѣтей пищали и ѣжились отъ холода подъ какою-то попоною. Вся провизія вышла, не было даже чаю и сахару. Еще вчера вечеромъ добили послѣднюю дорожную булку... А впереди оставалась еще бѣлая половина дороги.

Другое семейство я нашелъ еще въ худшемъ положеніи. На этой станціи не было вовсе никакого жилья; кибитку унесло вѣтромъ, и только кучи навоза, слѣды костровъ, да обломки телѣжной оси намекали на мѣсто станціи. Ближайшій аулъ былъ

версть за двадцать; ближе не было ни одного живого существа, кромѣ волковъ, завывавшихъ по ночамъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ несчастнаго семейства. Здѣсь тоже истреблены были всѣ дорожные запасы, и путешественники испытывали уже припадки голода.

Дотащившись кое-какъ до этой станціи я задержалъ киргизамщика съ его лошадьми, далъ имъ отдохнуть и верхомъ отправился отыскивать ближайшіе аулы. Ночь захватила меня на пути, да вдобавокъ я еще сбился съ дороги, такъ что вернулся только уже на другой день утромъ. Надо было видѣть восторгъ несчастныхъ при видѣ нанятыхъ мною верблюдовъ и двухъ барашковъ, купленныхъ для удовлетворенія голодающихъ желудковъ.

Если у кого-нибудь ломался экипажъ,—его бросали, какъ вещь совершенно негодную—о починкѣ нечего было и думать—и продолжали путь верхомъ на верблюдахъ, а то и попросту пѣшкомъ.

Во всемъ этомъ, чтó я теперь рассказываю, нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія; не найдете никого, кто бы могъ упрекнуть меня въ этомъ, но зато найдется много такихъ, которымъ мое описаніе покажется блѣднымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чтó они испытали лично.

Туркестанскій генераль-губернаторъ, узнавши отъ прїѣзжихъ о томъ, чтó творится на орско-казалинскомъ трактѣ, немедленно выслалъ офицеровъ и чиновниковъ, снабженныхъ деньгами, одеждою, провизіей и лекарствами на встрѣчу переселенцамъ—и эти люди положительно завѣряли о томъ, что имъ приходилось натѣкаться на раздирающія душу катастрофы ¹⁾.

Черезъ четыре года послѣ этого, именно въ 1871 году, снова пришлось мнѣ проѣзжать этою же дорогою. Время года было несравненно лучше:—лѣто; и наплыва проѣзжающихъ не было никакого. Но несмотря на эти, болѣе выгодныя условія, я нашелъ трактъ нисколько ни въ лучшемъ положеніи; тѣ же станціи: кибитки и землянки, то же отсутствіе людей и лошадей, тѣ же суточные ожиданія... А если и посчастливится вамъ найти лошадей, пасущихся вблизи станцій, то это оказывались кони совершенно дикіе, никогда въ своей жизни не видавшіе экипажа, и вы рисковали на каждомъ шагу быть искалѣченнымъ, не говоря уже о безконечныхъ ломкахъ и, наконецъ, окончательной порчѣ вашего тарантаса.

И вотъ, мнѣ привелось третій разъ промѣрить знакомое раз-

¹⁾ Записки г. Терентьева и доктора Авдіева.

стояніе — и я не узналъ своего старого знакомаго, орско-казалинскаго тракта.

А дѣло было какъ нельзя проще. Стоило только отдать этотъ трактъ съ торговъ предприимчивому человѣку, не поскупиться деньгами, а не сдавать его на попеченіе киргизовъ, безконтрольное попеченіе, тѣмъ болѣе, что съ кочевниками не церемонились и по годамъ не платили имъ ничтожной договорной платы. — Не за чтó платить — дурно содержите, — говорили тѣ, кому надлежало расплачиваться. — Денегъ не даешь — за что же тебѣ содержать хорошо, — говорили тѣ, кому слѣдовало получать деньги... И такимъ-то образомъ шло дѣло слишкомъ двадцать-пять лѣтъ, пока настоятельная потребность въ сообщеніи не заставила открыть серьезныя торги, по которымъ оренбургскій купецъ Мякеньковъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, опытный и предприимчивый хозяинъ, взялъ на себя большую половину орско-казалинскаго тракта и привелъ его въ прекрасный порядокъ, такъ поразившій меня съ пріѣзда на первую станцію.

Въ нѣсколько минутъ были запряжены новыя лошади, сытыя, незагнанныя до изнеможенія, какъ бывало прежде. Русскій ямщикъ, въ красной рубахѣ, съ мѣдною бляхою на шапкѣ, осторожно разобралъ возжи, и мы понеслись въ карьеръ по гладкой, черноземной дорогѣ.

Узкою черною лентою тянулась дорога; а по сторонамъ ея, во всѣ концы, сливаясь съ синею полосою отдаленнаго горизонта, раскинулось цѣлое море зелени всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ. Красныя головки полевого мака, лиловые присы, бѣлесоватыя метелки ковыля, желтыя колокольчики, ярко бѣлыя звѣздочки ромашки красиво пестрили степь, наполняя воздухъ чуднымъ ароматомъ, свойственнымъ только степямъ, не тѣмъ унылымъ, выжженнымъ солнцемъ, мертвымъ пустынямъ, которыя предстоятъ еще впереди, а другимъ, полнымъ жизни, полнымъ движенія, полнымъ смѣшанныхъ, разнообразныхъ звуковъ.

Полевая куропатка съ шумомъ взлетала цѣлыми стаями, чуть не изъ-подъ самыхъ экипажныхъ колесъ; щелкая крыльями, поднималась изъ густой травы тяжелый стрепетъ и неуклюже опускался опять на то же самое мѣсто. Пестрыя утки вереницею тянулись съ какого-то далекаго озера... Высоко, въ самомъ поднебеснѣ, то исчезая въ воздухѣ, то появляясь снова, плавно носились орлы, распластавъ широко свои полутора-аршинныя крылья.

— Гей, гей! — покрикивалъ ямщикъ...

— Гей, гей! — откликался ему изъ степи киргизъ, привстав-

шій на стременахъ, приглядывающійся изъ-подъ руки къ проѣзжающему тарантасу.

Вонъ, справа отъ дороги, чернѣть что-то приземистое, не то куча взрытой земли, не то какое-то строеніе; должно быть, послѣднее... Черный дымокъ вьется надъ нимъ; собаки съ свирѣпымъ лаемъ несутся къ намъ навстрѣчу... Стой! надо посмотреть... Это зимовки кочевниковъ, интересныя тѣмъ, что представляютъ собою переходъ отъ типичной кочевой кибитки къ русской избѣ, срубленной изъ бревенъ... Этого рода постройки начали появляться въ степи только недавнее время.

Строеніе, къ которому подошли мы, возвышалось надъ поверхностью земли не болѣе, какъ на полтора аршина; зато углублялось оно довольно значительно. Бревна сруба были довольно аккуратно прилажены одно къ другому, щели между вѣнцами проконопачены сѣномъ и смазаны, надъ всѣмъ этимъ настлана была плоская крыша съ двумя дымовыми отверстиями; изъ одного изъ нихъ торчала колѣчатая труба желѣзной печи,—она-то и дымила.

Нѣсколько совершенно голыхъ ребятишекъ играли на крышѣ и, завидя насъ, мгновенно попрятались, словно сурки по норкамъ, особенно насмѣшили насъ одинъ черномазый карапузикъ, сунувшійся въ дымовую дыру; онъ завязъ тамъ и уморительно брыкалъ своими голыми ножками... Трусинку освободила уже его мать, давъ ему при этомъ изряднаго подшлепника... Тоція собаки, что-то въ родѣ борзыхъ, злобно косились на насъ и рычали. Двѣ женщины, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ и въ грязныхъ джавлукахъ—головной уборъ въ родѣ чалмы—на головахъ, толили просо въ большой деревянной ступѣ. Неподалеку, на треногомъ желѣзномъ таганѣ, стоялъ большой плоскій котелъ и въ немъ на медленномъ огнѣ варилась какая-то похлебка, распространяя вокругъ довольно аппетитный запахъ.

Одна изъ женщинъ при видѣ насъ поспѣшила спустить на лицо концы джавлука и продолжала свою работу, другая же, помоложе, вытаращила на насъ свои косые глазки, утерла рукою носъ и расхохоталась... чего?! Это уже только самому Алаху извѣстно...

— Что нужно? — проговорила она, наконецъ, сквозь слезы, и снова расхохоталась, искоса поглядывая на насъ и видимо припоминая что-то уже очень смѣшное...

— Здравствуй! Въ гости къ тебѣ пришли. Хотимъ домъ твой посмотреть,—произнесъ мой товарищъ.

— Домъ не мой, а хозяйскій. Хозяева всѣ въ степи... и

большіе и маленькіе. Далеко въ степи... Тамъ!.. — она махнула рукою на западъ. — Вы откуда?

— Ну, это долго рассказывать, — уклонились мы отъ прямого отвѣта, и направились къ двери, или, правильнѣе сказать, къ четвероугольной отверстію, завѣшанному кошмою.

Мы вошли, согнувшись предварительно въ три-погибели. Сразу намъ показалось очень темно, но скоро мы присмотрѣлись. Вдоль земляныхъ, кое-какъ выштукатуренныхъ стѣнъ, тянулись небольшія насыпныя возвышенія въ видѣ лавокъ, поверхъ нихъ настиланы были камышъ, прикрытый кошмами; та линія, гдѣ соединялся срубъ съ землею была проконопачена очень дурно и мѣстами просвѣчивала. Нѣсколько оконъ, узкихъ, горизонтальныхъ щелей продѣланныхъ подъ самою крышею, пропускали слабый свѣтъ; и свѣтъ этотъ, распространяясь больше по потолку, рѣзко очерчивалъ паутину и разныя лохмотья, висѣвшія сверху, скользилъ по желѣзной трубѣ и оставлялъ въ совершенномъ мракѣ всю нижнюю часть помѣщенія.

Воздухъ въ этой землянкѣ былъ спертъ и удушливъ. Преобладалъ запахъ овечьего навоза и кислаго молока.

Я почувствовалъ нестерпимый зудъ въ ногахъ и началъ почесываться. Товарищъ мой тоже энергично скребъ себѣ ноги ниже колѣнъ... Надо было поскорѣе убираться отсюда.

— Блохъ много! — замѣтила молодая дикарка, и снова расхоталась — да такъ, что мы уже и не дождались, когда она успокоится.

— Вотъ такъ-то... вчера... такіе же... какъ чесались... какъ чесались... Пришли... полѣзли туда... Ха-ха-ха-ха!.. Вотъ чесались!.. Меня, даже, бить хотѣли... — прорывались сквозь смѣхъ отрывочныя фразы и неслись, вмѣстѣ съ собачьимъ лаемъ, намъ въ догонку.

Такъ вотъ она, причина смѣха... вотъ эти воспоминанія! Мы, сами того не вѣдая, служили предметомъ развлечения и увеселенія этой косоглазой красавицѣ, давно уже, быть можетъ, не хохотавшей такъ усердно...

Въ домѣ, только-что посѣщенномъ нами, не было никакихъ предметовъ домашняго, хозяйственного быта. Все это было вывезено въ кочевье, и на попеченіе этихъ двухъ женщинъ-работницъ были оставлены только одни голыя стѣны. Женщины эти, впрочемъ, сами лично не пользовались этою избою-землянкою. Должно быть онѣ находили ее не совсѣмъ удобною... Онѣ жили по близости, въ юломейкахъ, торчавшихъ своими закопченными, пирамидальными верхами изъ-за ярко-зеленаго ската лощины.

Скоро попался намъ навстрѣчу верблюжій обозъ, — тоже степ-

ное нововведеніе. Приземистыя телѣги на деревянныхъ осяхъ и, такъ-называемыхъ, бычьихъ колесахъ, въ родѣ тѣхъ, что употребляются въ Малороссіи, запряжены были каждая однимъ верблюдомъ. Обозъ тянулся длинною вереницею, самымъ медленнымъ шагомъ. На нѣкоторыхъ верблюдахъ сидѣли «улаучи» (погонщики). Телѣги были нагружены громадными тюками бухарскаго хлопка—по три тюка на каждой, очевидное преимущество возовой тяги передъ вьючною, потому что тотъ же верблюдъ на вьюкѣ можетъ нести только два такихъ тюка.

Обозъ шелъ не самою дорогою, а нѣсколько въ сторонѣ, прокладывая себѣ путь цѣликомъ. Это дѣлалось во избѣжаніе встрѣчъ съ почтовыми, всегда сопряженными съ руганью, крикомъ и крайне неудобнымъ сворачиваніемъ цѣлаго обоза, ради одного какого-нибудь тарантасика.

Изрѣдка виднѣлись мечети, очень красиво построенныя, въ видѣ домика съ коническимъ минаретомъ и шпилемъ. У заборовъ этихъ зданій всегда виднѣлось десятка два осѣдланыхъ лошадей и мелькали красные верхи киргизскихъ малахаевъ.

Быстро катились мы по степи. Станціи смѣнялись почти незамѣтно. Степь становилась безлюднѣе.

Мало-по-малу дневной жаръ началъ спадать и въ воздухѣ потянуло свѣжестью. Кое-гдѣ, надъ степью поднимался бѣловатый туманъ и колыбался на одномъ и томъ же мѣстѣ, словно дымчатый пологъ. Золотистымъ кружкомъ, будто зеркало, оправленное въ темно-зеленую раму, сверкало въ сторонѣ небольшое степное озерко, и какая шумная жизнь кипѣла надъ нимъ, въ немъ, на его сочныхъ, густо заросшихъ берегахъ.

Безчисленные расходящіяся круги бороздили гладкую поверхность воды, въ которой отражались, летающія надъ нею, чайки, кулички и всякая мелкая водяная птица. Рои комаровъ и мошекъ туманными пятнами стояли въ воздухѣ и наполняли его мелодичнымъ, тихимъ звономъ. Пестрыя утки всѣхъ цвѣтовъ, формъ и величинъ, съ хохлами и безъ хохловъ, плавали и по минутно ныряли, добывая себѣ обильный ужинъ... А вблизи ни одного человѣка, ничего даже такого, что бы напоминало его присутствіе. Ни одинъ выстрѣлъ не тревожилъ этихъ мирныхъ береговъ. На свободѣ, безъ опаски, много лѣтъ уже плодятся здѣсь безчисленные птичьи выводки.

«А развѣ парашуты!» подумалъ-было я, и потянулся за своею двустолкою; но... зашевелилось что-то въ родѣ угрызенія совѣсти, и я отложилъ свое намѣреніе...

Быстро наступила темнота. Ночь стояла тихая, безлунная.

Звѣздное небо сливалось съ горизонтомъ полосой густого тумана, и въ этомъ туманѣ, тамъ-и-сямъ, красными пятнами вспыхивало костровое зѣрево. То были огни далекихъ кочевковъ.

Вправо отъ дороги, прерывистою, серебристою полосой сверкала рѣка Орь—эта степная, животворная жилка всего кочевого района. Страшная рѣка, то текущая на поверхности, то ныряющая въ глубь земли, прокладываящая себѣ дорогу подъ слоемъ песка и снова вырывающаяся на свѣтъ божій, снова отражающая въ своихъ водахъ голубое небо и быстробѣгущія по немъ облака.

Разливаясь весною на значительную ширину,—эта рѣка составляетъ послѣ себя множество болотистыхъ затоновъ, — пріюты рыбы и всякой водной дичи.

Киргизы большіе любители ловить первую; и, несмотря на живость характера истыхъ кочевниковъ, по цѣлымъ днямъ, терпѣливо, просиживаютъ съ удочками на берегахъ подобныхъ озеръ-затоновъ.

На разсвѣтъ мы проѣхали близко отъ большого кочевья. Нѣсколько десятковъ войлочныхъ кибитокъ просторно разбросались по отлогому скату. Ночные костры догорѣли и чуть дымили. Все живое спало еще глубокимъ сномъ... Спали люди въ кибиткахъ и просто подъ открытымъ небомъ, на разостланныхъ коврахъ и войлокахъ. Спали верблюды, лежа тѣсными группами и машинально пережевывая вопиющую жвачку; спали лошади, сбившись въ косяки; спали овечьи отары, покрывъ собою весь скатъ степной балки, перевалившись черезъ него и простирался далѣе, до самаго слѣдующаго ската, гдѣ еще все видѣлось однообразное море бѣлыхъ и сѣрыхъ спинъ и темноватыхъ бараньихъ головъ. Черные какъ уголь козы рѣдко выдѣлялись въ отарахъ... Лѣниво развѣсивъ уши, дремали пастушьи шакалы... и опять, какъ всегда, неслись къ намъ напередъ — неугомонные, бессонные сторожа-собаки.

Солнце поднялось уже, когда мы проѣхали фортъ Кара-бутакъ — это первое административное гнѣздо на пути въ степь. Здѣсь живетъ офицеръ-комендантъ, съ нимъ неизбежная канцелярія, состоящая изъ двухъ вѣчно пьяненькихъ писарей, десятка два солдатъ и казапскій татаринъ маркитантъ, торгующій тремя коробками позеленѣлыхъ сардинокъ, картами и нѣсколькими дюжинами бутылокъ хересу и мадеры орскаго производства. И опять тѣ же знакомыя дощечки на дверяхъ, опять молчаливо красующіяся въ воздухѣ бутылки и полуштофы...

— Орда потреблять начала, потому привыкла, — пояснилъ мнѣ

смотритель станціи, замѣтивъ, должно быть, мой недоумѣвающий взглядъ на эти вывѣски.

— Опять, и начальство неусыпно торговому дѣлу покровительствуетъ, — добавилъ писарь — измятая фізіономія въ форменномъ сюртукѣ и киргизскихъ шароварахъ.

Кара-бутакъ окруженъ, конечно, степями, но какими степями, полными довольства и жизни; кругомъ богатая, многолюдная кочевья... Хозяйство этого форта, существующее второй десятокъ лѣтъ, могло-бы достигнуть весьма цвѣтущихъ размѣровъ, — но... И вотъ тутъ опять это проклятое, русское «но»!

— За курицу съ меня взяли рубль пятьдесятъ копѣекъ, за кусокъ жареной баранины, фунтовъ пять, два рубля; а въ полуверстѣ отъ форта, въ киргизскомъ аулѣ, за эти же два рубля мнѣ предлагали цѣлаго барана.

Ни одного прутика, ни одного деревца не торчитъ во всемъ фортѣ и его крохотной слободкѣ, а въ канавѣ, у почтовой конюшни, я видѣлъ, Богъ вѣсть откуда и кѣмъ завезенную и брошенную за негодностью, таловую жердь, и эта жердь густо обросла зелеными отпрысками — нѣмымъ, но краснорѣчивымъ укоромъ безпечному варварству человѣка.

Грустно смотрѣть на это неумѣнье, или нежеланіе обставить себя удобствомъ и привольемъ жизни, — эту животную способность удовлетворяться окружающею скудостью и запустѣніемъ.

Есть кусокъ мяса, есть штофъ водки, есть колода картъ, есть... Впрочемъ довольно... Больше ничего нѣтъ, — да и не нужно; — однихъ этихъ трехъ предметовъ за-глаза довольно...

За Кара-бутакомъ степь начинаетъ уже нѣсколько терять свой исключительно зеленый колоритъ. Между травами преобладаетъ полынь и колючка; появляются большія пространства, покрытыя пескомъ. Въмѣсто прозрачной Ори течетъ такой же прерывистый, но мутный и солоноватый Иргизъ. Даже въ нѣкоторыхъ колодцахъ, на станціяхъ и въ кочевьяхъ, вода имѣетъ солоноватый, прогорклый вкусъ, напоминающій морскую воду.

Въ тотъ же день, по выѣздѣ изъ Кара-бутака, мы наткнулись еще на новое явленіе: въ двухъ или трехъ мѣстахъ, недалеко отъ дороги, я замѣтилъ небольшія пространства земли, исковерканныя плугомъ. Нельзя назвать пашнею эти прерывистыя борозды съ прохватами въ промежуткахъ. Видно было, что гдѣ плугъ слишкомъ уже глубоко врѣзался въ землю и волю стали, тамъ и оканчивалась борозда; гдѣ его вырвали, и онъ проскользилъ на боку нѣсколько шаговъ, тамъ такъ и осталось не пропаханное пространство. Это уже была настоящая киргизская ра-

бота, произведенная по личной инициативѣ кочевника,—профана въ земледѣльческомъ дѣлѣ. На одномъ изъ этихъ полей было засѣяно просо, и уже начали показываться всходы. Ну, для начала это недурно. Будемъ ждать,—дождемся и лучшаго.

Между Орскомъ и Кара-бутакомъ степь несравненно оживленнѣе, чѣмъ вторая ея половина, отъ Кара-бутака до Иргиза—бывшее уральское укрѣпленіе. Теперь оно стало уѣзднымъ городомъ, и нельзя не удивляться странному выбору мѣста для города, да еще уѣзднаго, центра степной, районной администраціи!..

Рѣка Иргизъ—съ водою почти негодною по своему вкусу, и водобавокъ лѣтомъ почти пересыхающая; тоже небольшое количество воды, пощаженное такъ сказать солнечнымъ жаромъ, кипитъ водяными вшами; полное отсутствіе по близости годныхъ пастбищъ; кругомъ глубокіе пески, передвижные, сыпучіе, буквально засыпающіе городъ и уже приведшіе въ негодность нѣсколько вновь разведенныхъ огородовъ—вотъ условія жизни города. Между тѣмъ, верстахъ въ двадцати, даже менѣе, на востокъ, лежитъ прекрасная полоса, обильно орошенная родниками и колодцами, покрытая роскошнымъ кормомъ для скота, недосыгаемая для песковъ, даже во время урагановъ! Но... и опять классическое «но»!

Прежде на этомъ бугрѣ было укрѣпленіе... Прекрасно!.. изъ этого укрѣпленія далеко видно кругомъ... Чего-же лучше! со стѣнъ этого укрѣпленія удобно чѣмъ-то, что-то и кого-то обстрѣливать... Вотъ и все, что нужно. А до всего остального—никому нѣтъ никакого дѣла... Прожить и такъ, а разбѣгутся—тоже не бѣда! Канцеляріи и воинская команда останутся на мѣстѣ, останется при нихъ и Касимка-маркитантъ съ заплѣсневѣлымъ сыромъ, съ Орскимъ хересомъ и картами и проч. и проч. и проч....

Мы проѣзжали Иргизомъ въ базарный день, которыхъ полагается два въ недѣлю. Унылая пустота царила на базарной площади... Я не насчиталъ и десятка прибылыхъ верблюдовъ.

— Не пріѣзжаютъ, подлецы!..—ворчить недовольное начальство.

— А зачѣмъ пріѣзжать имъ сюда?—невольно вырывается нескромный вопросъ... но вырывается подъ сурдинкою,—а то, чего добраго, услышать,—еще пакость какую-нибудь сотворять дорожному человѣку. Здѣсь подобныхъ вопросовъ очень не любятъ.

II.

Пески и солонцы.—Новая флора и фауна.—Озеро Ката-куль.—Головскіе домики и ихъ происхожденіе.—Окаменѣлыя озера.—Солончаки.—Бугристые пески.—Сыпучіе пески.—Ураганъ.—Затоны Аральскаго моря.—Рыболовы и оры.—Аулы и жилия.—Казалинскъ.

Еще только двѣ станціи осталось по тракту Мявенькова. Далѣе уже начнутся «кара-кумы» и новый трактъ, и новое генераль-губернаторство.

Помню хорошо я васъ, грозные «кара-кумы»; сильно врѣзались вы въ моей памяти! Чѣмъ-то вы меня теперь встрѣтите?

Общій зеленый колоритъ степи измѣнился уже въ пепельно-сѣрый... Полюнь, полюнь и полюнь, — вотъ все, что только видѣть глазъ... А вотъ и признаки настоящей степной флоры и фауны: толстые стебли вонючки, этого характернаго дѣтища пустынь, тамъ-и-сямъ возвышаются подъ полюнью. Черезъ дорогу, впереди насъ, не болѣе какъ въ четверти версты, пронеслось стадо сайгаковъ... Вотъ они уже далеко! Только бѣловатая, движущаяся полоса пыли указываетъ направленіе ихъ быстрого бѣга. Чу!.. шорохъ внизу, между кочниками... Проворно выются и шныряютъ тамъ безобразныя ящерицы... Медленно ползаютъ неуклюжія черепахи, и все попарно: побольше впереди, это—самка; поменьше сзади, это—ухаживающій самецъ.

Жаромъ пышетъ пламенное солнце, слѣпить глаза яркій блескъ солончаковъ... Исчезъ совершенно этотъ мягкій, освѣжающій токъ зелени... Густая пыль клубами валитъ изъ-подъ колесъ; фыркаютъ и отдуваются усталыя лошади.

Съ нетерпѣніемъ ожидаете вы появленія вдали станціоннаго домика и пристально всматриваетесь въ даль, въ эту волнистую линію, задернутую дрожащею полосою знойнаго тумана; аккуратно считаете вы часы и минуты, и по времени опредѣляете пройханное разстояніе — верстовыхъ столбовъ не существуетъ. Вы ждете отдыха, ждете прохлады подъ крышею; а прежде, напротивъ, вамъ не хотѣлось даже выходить изъ экипажа, — такъ-бы все и катились безостановочно по этой роскошной зеленой степи, такъ-бы и дышали непрерывно ея живымъ, ароматнымъ воздухомъ.

Вотъ и «Ката-куль», это мертвое озеро, окруженное мертвыми берегами—какая разнища съ тѣми озерами, что встрѣчались прежде!

Около полудня мы проѣхали станцію Терекли, границу Орен-

бургскаго округа съ Туркестанскимъ. Теперь мы уже подъ покровительствомъ новой администраціи, въ послѣднее время обратившей особенное вниманіе на удобство и безопасность путей сообщенія, видя въ этомъ, и совершенно основательно, залогъ благосостоянія новаго края. Нельзя не сказать горячее спасибо за это благое стремленіе.

— Ваше благородіе! Нельзя-съ входить... Потолокъ валится. Половина упала, сейчасъ и остальная рухнетъ.

Этимъ предостереженіемъ встрѣтилъ насъ станціонный казакъ, едва только мы, обрадованные прилично наружностью домика, намѣревались забраться подъ его крышу.

— Жаль! А мы-было отдохнуть хотѣли немного, чаю напиться!—вдохнулъ мой спутникъ...—Ну, дѣлать нечего! развѣ уже на слѣдующей станціи!..

— На слѣдующей вчера еще потолокъ обвалился. Тамъ дальше—тоже треснуло... Развѣ вотъ на Акъ-джулпасѣ, станціи черезъ пятокъ, тамъ пока еще держится, — тѣшилъ насъ предупредительный казакъ, и пошелъ хлопотать о перепряжкѣ лошадей въ наши экипажи.

Я взглянулъ на моего товарища, — тотъ на меня; потомъ оба взглянули на домикъ и принялись его со всѣхъ сторонъ внимательно разсматривать.

Снаружи ничего, домъ какъ домъ! Даже архитектурныя затѣи есть въ видѣ бѣлой зубчатой оторочки у карниза. Стѣны домика цвѣтомъ сѣренкія, фундаментъ... Что за чортъ! Гдѣ-же онъ?.. да, такъ точно! фундамента нѣтъ никакого, хотя онъ и полагается по подрядной смѣтѣ... Дождевая вода подмываетъ сырцевыя стѣны снизу, и онѣ вотъ-вотъ готовы расползтись во всѣ четыре стороны. Крыша плоская, выштукатуренная глиною съ рубленою соломою, надъ ней возвышаются двѣ дымовыя трубы, безукоризненной бѣлизны, по той причинѣ чистыя, что печи не топятся, ибо онѣ къ сему вовсе не приспособлены. Зашли внутрь, несмотря на предостереженіе казака: — дѣйствительно «валится», и мы должны были постоять на порогѣ и уже отсюда дѣлать дальнѣйшія наблюденія...—Вотъ такъ потолокъ!.. (Надо замѣтить, что спутникъ мой архитекторъ, и потому его особенно интересовала эта постройка). Къ тонкимъ, расколотымъ на-двое жердямъ подшиты камышевыя плетенки, такъ-называемыя «чѣи», и все это снизу законопачено и смазано глиною. Подшивка не можетъ выдержать тяжести штукатурки, а тонкія стропила не допускаютъ болѣе массивную поддержку... Понятно, — должно «валиться». И вотъ, вслѣдствіе этого обстоятельства, проѣзжающіе должны, или

оставаться на дворѣ, какъ и въ прежнее время, или рисковать попасть подъ обвалъ, и понятно, не продолжать далѣе своего пути, не только почтоваго, но и жизненнаго.

Исторія постройки этихъ домиковъ — довольно обыкновенная исторія. Три года тому назадъ поручено было составить смѣты и планы почтовыхъ станцій-пріютовъ по степному тракту... Составили... Вышло и хорошо, и удобно, и не особенно дорого — по полторы тысячи домикъ. По этимъ смѣтамъ предполагались и фундаменты изъ жженого кирпича, и выстланные плитами полы, и печи, годныя для своего назначенія. Однимъ словомъ, все такое, что не заставляло даже пока желать ничего лучшаго. Приглашены были желающіе взять на себя эту постройку съ торговъ; желающіе явились, коимъ были предложены такіа стѣснительныя, побочныя условія, что имъ не трудно было догадаться, что весь вызовъ былъ только пустымъ соблюденіемъ формы. Всякому постороннему лицу взяться за дѣло не представлялось ни малѣйшей возможности. И вотъ, строить домики взялось лицо официальное, и вдобавокъ еще такое, отъ котораго зависѣлъ и пріемъ построеннаго. Условія стѣснительныя мгновенно измѣнились въ самыя мягкія и уступчивыя; мало того, потребовалась дополнительная смѣта по семисотъ рублей на станцію—дали и это. Въ результатъ вышло то, что и слѣдовало ожидать отъ такого безцеремоннаго отношенія къ общественному дѣлу и казеннымъ суммамъ, именно: проѣзжающіе только потому не могутъ пользоваться превосходными, изящными, прохладными (даже зимою) головскими домиками, что заглядывать подъ ихъ крыши не совсѣмъ безопасно.

Вотъ они, мои старые, хорошо знакомые кара-кумы! Мы подѣзжаемъ къ ихъ преддверью.

Майское солнце уже успѣло выжечь всю растительность тощихъ, солонцеватыхъ равнинъ. Бѣловатая почва солончаковъ ослѣпительно сверкаетъ на солнцѣ и слѣпить глаза, не защищенные даже синими очками. Часто приходится переѣзжать черезъ озера. Но это—мертвыя озера, безводныя. Странный видъ представляютъ они глазу, непривычному къ этимъ явленіямъ природы:—и берега есть у нихъ, отчетливо видны они со всѣми своими изгибами, и островки есть, покрытые бурю жесткою колючкою, есть даже гладкая, блестящая водная поверхность. Не достаетъ только воды, и даже по близости нѣтъ и капли этой животворной влаги. Это окаменѣлыя озера.

Богъ вѣсть, сколько столѣтій тому назадъ испарились послѣд-

ніа капли воды; озерная соль, вмѣстѣ съ клейкимъ иломъ, осѣла плотнымъ, блестящимъ слоемъ, что еще болѣе увеличиваетъ сходство съ водною поверхностью. Осадокъ этотъ окрѣпъ, сплотился, и, словно по асфальтовой мостовой, глухо гудятъ по немъ экипажныя колеса, отчетливо звякаютъ некованные копыта почтовой тройки. Вотъ и берегъ! Онъ довольно крутъ... Въ карьеръ хватаютъ на него привычныя лошади, тянутся потомъ потихоньку по глубокому, сыпучему песку, и снова спускаются къ другому, подобному же озеру... Глазъ утомляется этимъ грустнымъ однообразіемъ... Удушливый жаръ стоитъ въ воздухѣ... такъ и парить, словно передъ грозой... Но не рассчитывайте на благотворный дождь, на освѣжающіе атмосферу громовые удары. Это жаръ нормальный, никакихъ перемѣнъ не предвѣщающій, а если и шевельнется вѣтеръ оттуда, гдѣ синюю градою виднѣтся «Термекъ-бесъ», то это северный вѣтеръ: онъ подниметъ їдею, солонцеватую пыль, и замучитъ васъ эта пыль тяжелымъ кашлемъ, удушьемъ и нестерпимымъ зудомъ въ ноздрахъ, въ углахъ глазъ и въ горлѣ.

Отрадною перемѣною покажутся вамъ, послѣ солонцеватыхъ пустынь, сыпучіе пески, мѣстами голые, мѣстами поросшіе зелеными кустивами молодого саксаула и джингила. Станный видъ имѣетъ мѣстность въ послѣднемъ случаѣ. Почти постоянный вѣтеръ вырылъ и унесъ песокъ оттуда, гдѣ онъ не былъ скрѣпленъ корнями этого кустарника; тамъ же, гдѣ спутались и расплзлись эти корни, песокъ остался въ видѣ высокихъ кочекъ, увѣнчанныхъ зеленою кроною саксаула и розовыми султанами джингила. Кочки эти мѣстами такъ высоки, что человекъ верхомъ свободно скрывается за ними. Эти бугристые пески недавно еще были лучшимъ притономъ мелкимъ шайкамъ барантачей и всякой вольницѣ, пришедшей съ Усть-юрта, изъ Арала, черезъ *Большіе и Малые Барсуки*, обильные володцами и родниками.

Вотъ показались и высокіе холмы, цѣлыя горы чистаго, сыпучаго песку, лишеныя уже положительно всякой растительности. Горизонтъ исчезаетъ, заслоненный этими холмами и «барханами». Глазъ поражается контрастомъ сѣро-синяго раскаленнаго неба съ красно-темною поверхностью песка. Не менѣе оригинально видѣть, посреди этой самобытной мертвой природы, русскаго ямщика и дикія постройки Голова съ претензіей на архитектуру.

Песчаные барханы словно хмурятся и напоминаютъ о томъ страхѣ, который наводили они прежде на человека, — краснаго рубаха ямщика рѣзкимъ пятнышкомъ такъ бьетъ въ глаза,

словно подсмѣивается надъ пустынею — и, подмигивая бойкимъ глазомъ—думаетъ: «а все-таки возьметъ наша!»

Безлюдна степь эта. Кромѣ почтовыхъ лошадей, ямщиковъ, смотрителей и верблюдовъ, содержимыхъ на станціяхъ для черной работы на всякій случай, ничего живого вы не встрѣтите дорогою.

Какъ ни напрягайте глазъ, вы не замѣтите даже признака кочевья, не увидите чернѣющуюся верхушку закопченной кибитки, не увидите дымка, привѣтливо клубящагося изъ-за горки—ни стада...

А, вотъ ѣдетъ какой-то всадникъ, за плечами у него торчитъ длинный стволъ, заткнутый тряпкою, по бокамъ сѣдла качаются вздутые мѣшки — «коржумы»; войлочная бѣлая шапка надвинута на глаза, одинъ только уголъ надрѣзанныхъ полей торчитъ высокимъ рогомъ. Въ поводу всадникъ этотъ ведетъ другую, запасную лошадь, тоже осѣдланную... Это не житель здѣшній, это тоже, какъ и вы, путешественникъ; только онъ путешествуетъ не съ такимъ какъ вы комфортомъ, — въ экипажѣ и на смѣнныхъ лошадяхъ, а верхомъ, все на одной и той же парѣ. Проѣдетъ верстъ тридцать на одномъ конѣ, пересядетъ на другого; еще верстъ тридцать проѣдетъ, отдохнетъ часа два, и дальше отправится въ путь такимъ же незатѣйливымъ порядкомъ. Это, на мѣстномъ языкѣ, называется путешествовать «ике-ать», т.-е. о дву-конь, и составляетъ исключительный способъ далекихъ перѣѣздовъ.

Все путешествіе наше по кара-кумамъ тянулось бы ровно и однообразно, еслибы не налетѣвшій передъ разсвѣтомъ ураганъ, надѣлавшій намъ немалой тревоги.

Ураганъ пронесся полосою, съ запада на востокъ; онъ пронесъ съ собою цѣлыя тучи песку и чуть было не перевернулъ кверху колесами наши тарантасы. Особенно эффектна была въ эту минуту послѣдняя четверть луны, только-что появившаяся изъ-за горизонта. Багрово-красный, словно раскаленное желѣзо, дискъ, оригинально просвѣчивалъ сквозь взбудораженные массы песчаной пыли и придавалъ всему фантастическій колоритъ. Я постарался удержать въ своей памяти эти эффекты освѣщенія, и едва только пріѣхали мы на слѣдующую станцію, зарисовалъ ихъ въ своемъ походномъ альбомѣ красками.

Близость Аральскаго моря начинала уже выражаться значительнымъ пониженіемъ мѣстности. Справа отъ дороги показались уже продолговатыя озера—затоны соленой воды, оставшіеся послѣ разлива. Появилась вода—появилась и жизнь. Ярче-бѣлыя круп-

ныя чайки, морскихъ типовъ, съ крикомъ носились надъ зато-нами; всѣ отмели пестрѣли рыболовами. Множество орловъ не-подвижно сидѣло на берегу и ждало чего-то. Вотъ одинъ изъ рыболововъ быстро спустился къ водѣ, черкнулъ крыломъ по ея поверхности, захватилъ что-то и торопливо понесся къ берегу. Ближайшій орелъ замѣтилъ это обстоятельство, взмахнулъ крыльями тяжело, словно раскачиваясь, подпрыгнулъ, наискосокъ понесся къ рыболову и разомъ заставилъ выпустить добычу. Это уже та-кія нахальныя привычки здѣшнихъ орловъ, привычки, присущія впрочемъ всѣмъ хищникамъ «загрѣбать жаръ чужими руками»; интересно только то обстоятельство, что эти именно милыя при-вычки вызвали мѣстное названіе, — которымъ называютъ орловъ здѣшніе киргизы: ихъ величаютъ «уѣздными». Сравненіе не совсѣмъ лестное; впрочемъ, вполне заслуженное!

Къ полудню мѣстность стала почти горизонтальная; опять подвилась луговая растительность. Тамъ-и-сямъ тянулись, пере-крещиваясь между собою, сухія русла старыхъ, заброшенныхъ за недостаткомъ рукъ оросительныхъ арыковъ, забытыхъ съ тѣхъ поръ, какъ мы, двинувшись лѣтъ двадцать тому назадъ въ эти края, выгѣснили отсюда хивинскихъ землепашцевъ.

Показались аулы, стада, засновали конные и пѣшіе киргизы, и не успѣло еще солнце закатиться за темно-лиловую туманную даль Аральскаго моря, какъ на горизонтѣ, неясными силуэтами, показались казалинскія мельницы.

III.

Отъ Казалинска до острова Косъ-арала. — На пристани. — Казалинскія дамы. — Русскіе огороды. — Воспоминанія о сарапчѣ. — Косари-киргизы. — Аулы и ихъ неселое населеніе. — Препятствіе въ плаваніи. — Женщины и дѣвушки. — Наѣзди-ница. — Богатая кибитка и пирующие гости. — Крѣпость Чингала. — Переправа. — Камыши. — Островъ Косъ-аралъ. — Рыбаки и рыбная ловля.

Утро превосходное. На пристани казалинскихъ пароходовъ кипитъ самая оживленная дѣятельность. Пароходъ «Самаркандъ», одинъ изъ лучшихъ пароходовъ аральской флотиліи, развелъ уже пары и черная полоса дыма потянулась черезъ мутно-желтую Сырь-Дарью, расплываясь по низменному, противоположному берегу.

На палубѣ кипитъ самая горячая, суетливая работа «на-грузки и посадки»... Черезъ полчаса предполагаютъ сняться съ якоря.

Когда я пришелъ на берегъ, то густая толпа зрителей и провожающихъ заняла уже весь берегъ пестрою, оживленною каймою; а подальше, немного въ сторонѣ, стояло нѣсколько экипажей—дрожекъ-долгушъ, принадлежащихъ вліятельнымъ лицамъ степного города.

Несмотря на раннее время дня—семь часовъ утра—казалинскія дамы поднялись, принарядились и пожаловали къ пристани проводить отъѣзжающихъ.

«Европа, Европа!... положительно Петербургъ!»—восторгался одинъ изъ пассажировъ, капитанъ здѣшнихъ стрѣлковъ, рассматривая изящныя фигуры дамъ, въ прозрачныхъ кисейныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ безукоризненныхъ перчаткахъ, съ самыми изысканными манерами, съ букетомъ «mille-fleurs», такъ и бьющимъ въ носъ, несмотря даже на господствующій въ воздухѣ запахъ, свойственный паровымъ машинамъ.

Еслибы только не эта даль впереди, пустынная, ровная, однообразно-сѣрая, еслибы не эти приземистые обвалившіеся крѣпостные валы, съ скучными казарменными фасадами, изъ-за нихъ выглядывающими... не эти чахлые, запыленные кустарники тальника и еще какой-то дряни, посажіе громкое названіе садовъ, наконецъ, не эти верблюды по близости, убившіе своимъ отвратительнымъ запахомъ даже дамскій mille-fleurs; не эти птахи, конкурирующіе съ свистомъ паровика; не эти полуголыя фигуры въ отрепанныхъ халатахъ, сидяція на корточкахъ по обрыву берега и наблюдающія за отплытіемъ шайтанъ-кайка (чортовой лодки)... то, пожалуй, и можно, особенно послѣ завтрака, вообразить себѣ, что находишься въ Европѣ, на пристани одного изъ комфортабельнѣйшихъ пароходовъ, а не въ Казалинскѣ, чуть не за три тысячи верстъ отъ всего европейскаго.

Сегодня на пароходѣ «Самаркандъ» отплываютъ члены Амударьинской ученой экспедиціи, и потому отплытіе этого парохода получило нѣсколько экстренный, исключительный характеръ.

Съ любопытствомъ, жгучимъ и худо скрываемымъ, прелестныя обитательницы Казалинска рассматривали, непосредственно и черезъ стекла лорнетовъ, подъѣзжающихъ къ пристани дѣятелей науки и искусства и перебрасывались между собою, не лишенными юмора, замѣчаніями. Особенно заинтересовала ихъ длинная, флегматичная фигура англичанина Вуда (Wood), вся въ свѣтло-сѣромъ, медленно-мѣрно шагающая по сходцамъ... Ремешокъ фуражки, прихваченной подъ нижнюю губою, бинокль въ футлярѣ у пояса, книжка въ красномъ переплетѣ въ рукахъ,

такая же въ карманѣ, такая же, только подлиннѣе, подъ мышкою... все это придавало этой фигурѣ самый стереотипный видъ, хорошо знакомый по безчисленнымъ иллюстраціямъ, а болѣе всего по карриатурамъ «L'Amusant» и «Pour rire».

Все готово. Свистокъ данъ... Велѣно очищать палубу... Кончилисъ цѣлованья и всевозможныя напутствованія. Пароходъ отпихнули шестами, «отдали концы», выволокли на середину рѣки — и мы тронулись.

Сырѣ-Дарья у Казали огибаетъ крутую дугу, такъ что, плывя по ней, мы долго еще видѣли на горизонтѣ казалинскія мельницы и темно-зеленую группу комендантскаго сада. Мало-помалу все это скрылось, наконецъ, изъ вида, и по обѣимъ сторонамъ потянулись низменные, плоскіе берега, съ правой стороны унизанные безконечною цѣпью огородовъ и бахчей, слѣва же покрытые ярко-зеленымъ ковромъ молодого камыша и безчисленными группами киргизскихъ кибитокъ.

Глядя на правую сторону, на эти аккуратно раздѣланные грядки огородовъ, на русскія фигуры, копающіеся между ними, на русскія телѣги и плужки, мнѣ припомнились тѣ труды, тѣ колоссальныя усилія, понадобившіеся переселенцамъ для покоренія этой пустынной, дикой мѣстности — я говорю о мирномъ покореніи путемъ заступа и кирки, идущемъ, впрочемъ, по слѣду, проложенному револьверомъ и берданкою...

Верстѣ за двадцать и болѣе отъ Казалинска тянутся эти огороды, прямое, неопровержимое доказательство плодородія здѣшней почвы. Глядя на нихъ, мнѣ припомнились и тѣ страшныя бѣдствія, постигшія ихъ въ 1868 году и чуть не повторившіяся въ 1870 г. Это были два замѣчательнѣйшія нашествія саранчи *пѣшей и конной*... Я думаю, читатель не посѣтуетъ на меня, если я отклонюсь отъ прямого разсказа и посвящу нѣсколько строкъ воспоминанію объ этомъ бѣдствіи, котораго я былъ очевидцемъ.

Въ 1868 году, въ половинѣ іюня, подъ вечеръ, прискакали киргизы съ лѣваго берега со страшною вѣстью: «саранча идетъ!» Это была медленно подвигающаяся пѣшая саранча, т.-е. ползущая. Первая линія этой вражеской арміи была еще далеко, и въ Казалинскѣ успѣли принять всѣ необходимыя мѣры. Мѣстность какъ нельзя болѣе благопріятствовала защитѣ: между полчищами саранчи и Казалею была широкая и довольно быстрая рѣка — Сырѣ-Дарья, черезъ которую, предполагали такъ сначала, невозможно будетъ перебраться этимъ прожорливымъ массамъ. На всякій случай на берегъ выведенъ былъ цѣлый батальонъ солдатъ, вывезены даже орудія, и вдоль всей береговой линіи

огородовъ сложены кучи горячаго матеріала, готовые, по данному сигналу, вспыхнуть цѣпью костровъ и отгородить поле этимъ огненнымъ барьеромъ. Всѣ жители, отъ мала до велика, собрались и заняли берегъ; все это было вооружено чѣмъ попало, преимущественно инструментами, производящими шумъ...

Къ утру прискакали еще киргизы... Говорятъ: «близко! земли не видать подъ саранчою... глазомъ не видно—гдѣ начинается она, гдѣ кончается!...»

Всѣ ждали, затаивъ дыханіе, и не безъ тревоги посматривали на противоположный берегъ, на эту сѣро-желтую полосу, въ которой пока еще ничего не замѣтно было подозрительнаго.

Мало-по-малу этотъ сѣро-желтый цвѣтъ сталъ дѣлаться все темнѣе и темнѣе; зеленныя мѣста покрылись, какъ-будто, ржавчиною... Вода у берега окрасилась въ красновато-бурый цвѣтъ и вдоль этой ленты залубилась бѣлая пѣна, будто теченіе рѣки встрѣтило какое-то плавучее препятствіе.

Это начали спускаться въ воду міриады насѣкомыхъ.

Вся эта масса обладала однимъ только инстинктомъ—стремленіемъ впередъ, по данному направленію. Подъ вліяніемъ этого инстинкта, передніе ряды насѣкомыхъ спустились въ воду, ихъ не успѣло еще подхватить теченіемъ, какъ уже новыя и новыя ряды навалились сверху. Все это не успѣвало тонуть, и на нихъ, какъ на живую плотину, пребывали все новыя и новыя массы. Образовался клубящійся валъ, подвигающійся безостановочно впередъ, медленно сносимый наискось теченіемъ рѣки. Вотъ уже близокъ онъ отъ нашего берега; узкая полоса свободной воды пѣнится и прорывается съ страшною быстротою; она становится все уже и уже... Скоро живой коверъ перекинулся на эту сторону и густымъ валомъ поднялся на нашъ берегъ... Трудно представить себѣ тому, кто не видѣлъ самъ, эту оригинальную, страшную картину.

Выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, трескотня барабановъ и разныхъ инструментовъ, вопли и крики тысячи голосовъ, наконецъ, громадные костры, вспыхнувшіе по всему берегу, не могли остановить этого неудержимаго стремленія. Это была лавина снѣга, которую пытались остановить руками, песчаный ураганъ, которому противопоставили открытый зонтикъ.

Почти мгновенно, съ трескомъ и пищаніемъ, погасли костры, заваленныя тѣлами саранчи... Все зеленое мгновенно сожрано міриадами прожорливыхъ желудковъ.

Часа три тянулось это опустошительное нашествіе, по направленію къ кара-кумамъ, гдѣ саранча положила въ песокъ свои яйца.

Зная это послѣднее обстоятельство, на будущій годъ ожидали повторенія бѣдствія, но ранняя и дружная весна промыла зараженные пески и унесла зародыши въ Аральское море.

Отъ второго бѣдствія, въ 1870 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, казалинцы отдѣлялись дешевле, хотя нашествіе саранчи имѣло по наружности еще болѣе грандіозный, ужасающій характеръ.

Около обѣда, странный шумъ въ воздухѣ невольно обратилъ на себя общее вниманіе. Этотъ шумъ похожъ былъ на гулъ приближающагося урагана, только съ какимъ-то чрезвычайно злобѣющимъ шипѣніемъ. На юго-восточномъ горизонтѣ показалась темная полоса все болѣе и болѣе расширяющаяся, и скоро захватившая собою полъ-неба. Несмотря на время дня и высокое положеніе солнца, стало темно, какъ въ самыя густыя сумерки. Это масса саранчи, шириною около десяти верстъ, толщиною въ нѣсколько десятковъ сажень и длиною до двадцати верстъ, нагнувшись на Казалю и заслонила собою солнце.

Саранча летѣла такъ низко, что трудно было ходить по улицамъ. По лицу, по головѣ, по чему ни попалъ, непрерывно хлестали летящіе насѣкомые. Мириады садились на землю, мириады снимались и летѣли дальше. И опять все зеленое было объѣдено и истреблено... Потерю листьевъ выдержали только старыя, хорошо укоренившіеся деревья, а такихъ въ Казалинскѣ было очень и очень не много.

Цѣпь огородовъ, мимо которыхъ проходилъ «Самаркандъ», кончилась; потянулись плоскіе берега, покрытые уже исключительно однимъ камышемъ. Всюду видѣлись косари—киргизы и русскіе, и блистали на солнцѣ косы... Кочевники только не болѣе пяти лѣтъ какъ научились владѣть косою, а до тѣхъ поръ они и не знали, что такое заготовка корма на зиму.

Камышовое сѣно очень охотно ѣдятъ даже лошади, и запасы его играютъ немаловажную роль въ степномъ хозяйствѣ. За этою полосой, чисто прибрежной зелени, свѣтло-зеленымъ, нѣсколько пепельнымъ ковромъ видѣлись пастбища, покрытыя уже исключительно степною растительностью. Тамъ-и-сямъ, словно грибы, высывались изъ зелени вершины киргизскихъ кибитокъ. Бродили стада овецъ и коровъ, изрѣдка небольшіе косяки лошадей. Аулы лѣпились иногда на самомъ берегу, и съ палубы нашего парохода можно было совершенно свободно рассмотреть все, что тамъ дѣлается. Даже внутреннее убранство кибитокъ было открыто для наблюдателя, по случаю поднятыхъ для провѣтриванія боко-

выхъ войлоковъ... Пароходъ шелъ близко отъ берега — бинокли помогали наблюдениямъ. Вотъ, группа женщинъ въ однихъ долгополыхъ рубахахъ, въ громадныхъ джавлукахъ на головахъ, скоблать тупыми ножами воловью шкуру и обтирають эти ножки о свои же рубахи. Вотъ, одна тащитъ за рога барана, зажавши его между ногъ, точно верхомъ на немъ ѣдетъ. Дальше, группа дѣтей и дѣвушекъ — (послѣднихъ очень легко отличить отъ женщинъ по головному убору) — собралась-было купаться. Начали уже раздѣваться, да замѣтили приближеніе «шайтанъ-каика», и отложили на время свое намѣреніе.

Мужчинъ не было видно вовсе въ аулахъ. Вдали только разбѣжжали нѣсколько всадниковъ, мелькая на горизонтѣ чуть замѣтными точками.

Своимъ шумящимъ и посвистывающимъ пароходомъ мы взбудоражили все кочевое населеніе; все повылѣзло изъ кибитокъ и заняло берегъ самыми пестрыми, живописными группами. Совсѣмъ голые ребятишки даже въ воду полѣзли, чтобы поближе рассмотреть чудную лодку; другіе — съ криками и смѣхомъ бѣжали по берегу, провожая наше судно. Шаловливыя киргизки, особенно дѣвушки, смѣялись, показывая при этомъ свои ослѣпительно бѣлые, превосходные зубы, и махали въ знакъ привѣтствія длинными рукавами своихъ рубашекъ.

Случалось пароходу проходить не болѣе какъ въ двухъ-трехъ саженьяхъ отъ берега: надо было видѣть тогда оживленіе этихъ дѣтей степи; надо было слышать эти шутки и остроты, которыми онѣ перебрасывались съ нашими матросами и стрѣлками... Всѣ эти остроты, большею частью, отличались крайнею нецензурностью и доказывали полную беззабѣчивость молодыхъ, косоглазыхъ, скуластыхъ, но не лишенныхъ нѣкоторой миловидности красавицъ. Женщины въ своихъ солидныхъ тюрбанахъ были гораздо скромнѣе, и ограничивались только тѣмъ, что поощряли молодежь одобрительными кивками головъ, а иногда и смѣхомъ.

Одна изъ дѣвицъ не удовольствовалась, должно быть, тѣмъ, что успѣла подразнить насъ, пока пароходъ проходилъ мимо; — она вскочила верхомъ на неосѣдланную лошадь и понеслась по берегу... Вся въ красномъ, запыхавшаяся, взволнованная, съ голыми до колѣнъ ногами, съ черными косичками, выбившимися изъ-подъ платка, — она была чрезвычайно эффектна въ эту минуту. Ровняясь съ пароходомъ она проскакала версты три, съ криками, не дѣлающими чести ея цѣломудрію; наконецъ она, должно быть, выбилась изъ силъ, остановилась, энергично плю-

нула въ нашу сторону, расхохоталась и шагомъ поѣхала обратно къ своему аулу.

Стопъ!—мы толкнулись носомъ въ отмель и стали,—всего въ двухъ шагахъ отъ берега. Въ одно мгновеніе собрались многочисленные зрители, — но спектакль на этотъ разъ продолжался не долго; — матросы скоро справились, отпихнулись шестами, и пароходъ пошелъ дальше, дѣлая по случаю мелей самые крутые, непредвидѣнные повороты.

Вообще, плаваніе по Сырь-Дарьѣ, какъ извѣстно, требуетъ большого навыка и сноровки. Фарватеръ рѣки часто мѣняется, потому что мели переползаютъ съ мѣста на мѣсто, и тамъ, гдѣ вы легко прошли недѣлю тому назадъ, нельзя поручиться, что сегодня вы пройдете также благополучно. По цвѣту воды, по характеру зыби,—опытный глазъ капитана слѣдитъ за подобными измѣненіями, но часто—особенность освѣщенія поверхности, легкая тѣнь отъ пробѣгающаго облака—обманываютъ этотъ глазъ,—и «натыканія»—какъ ихъ здѣсь называютъ, случаются чуть не на каждыя десяти верстахъ пройденнаго пути. Дно рѣки вездѣ песчаное или илистое, волненія нѣтъ никакого, а потому толчокъ судна о мель не представляетъ ничего опаснаго, и вызываетъ только минутную остановку. Иногда случаются и слѣдующіе характерные маневры: дурно слушался руля, пароходъ не успѣетъ сдѣлать пужный поворотъ, толкнется въ берегъ носомъ и задержится на мгновеніе; а тѣмъ временемъ теченіе повернетъ судно кормою впередъ, эта корма толкнется въ противоположный берегъ, задержится тамъ, и то же теченіе, занеся корму, въ свою очередь занесетъ носъ, и поставитъ судно въ надлежащее положеніе. Такой точно маневръ мы продѣлали у заворота Дарьи, пройдя отъ Казалинска верстъ тридцать, и оставили на мягкихъ берегахъ изрядные отпечатки.

Случалось вамъ когда-нибудь наблюдать за щепкою, плывущей по водосточной канавкѣ? — Сырь-дарьинскіе пароходы, въ своихъ плаваніяхъ внизъ по рѣкѣ, бываютъ часто очень похожи на эту щепку.

А, вотъ наконецъ и мужское населеніе! На правомъ берегу виднѣтся большой аулъ, кибитокъ до сорока. Множество осѣдланыхъ лошадей стоятъ на приколахъ около одной кибитки, отличающейся отъ прочихъ и размѣрами, и цвѣтомъ. Кибитка эта вся обтянута бѣлымъ войлокомъ, поверхъ него перетянуты широкія тесьмы, краснаго цвѣта съ ковровымъ узоромъ, боковыя кошмы—стѣны—тоже приподняты, вмѣсто дверей красный коверъ, подбранный кверху валикомъ. Сквозь красный переплетъ деревян-

ныхъ рѣшетокъ видѣются спины сидящихъ. Ихъ довольно много, и одѣты они въ парадныхъ костюмахъ, а не въ обыденныхъ верблюжьихъ халатахъ. У одного свѣтло-синій бархатный халатъ расшитъ даже золотомъ по спинѣ и воротнику. Должно быть, у хозяина дома какое-нибудь торжество, и къ нему собрались гости. По близости отъ кибитки стоятъ на треногахъ два большихъ котла, и въ нихъ что-то варится; на разостланномъ войлокѣ краснѣетъ свѣже-ободранная баранья туша.

Скуластое лицо, въ лисьей шапкѣ, съ бородкою «à la Napoléon», выглянуло изъ дверей, наставило руку надъ глазами отъ солнца, удовлетворило свое любопытство и успокоилось. Это все люди солидные, бывалые, много на своемъ вѣку видавшіе, и ихъ не удивишь какимъ-нибудь «шайтанъ-канкомъ». Однако, едва только пароходъ поравнялся съ этою кибиткою, — какъ и оттуда, торопясь и съ трудомъ протискиваясь въ узкія двери, вышли эти солидные люди поглазѣть, хотя бы и на вещь, давно ими виданную.

Женщины и дѣвцы въ этомъ аулѣ вели себя несравненно скромнѣе, чѣмъ въ первыхъ. Еще бы: «сами» дома! Дѣти же нисколько не стѣснялись присутствіемъ старшинъ, и чуть въ воду не падали, лѣнясь по самому береговому обрыву.

На лѣвомъ берегу видѣются полуразвалившіяся стѣны съ остатками зубцовъ — это старинная крѣпость Чингала. Около нея тоже сгруппировалось нѣсколько кибитокъ. Оригинальные, изрытые водою, мѣстами обвалившіяся стѣны отбрасываютъ на окружающій песокъ рѣзкую, голубоватую тѣнь; въ этой тѣни пріютилось стадо козъ, а на самомъ верху, между двухъ уцѣлѣвшихъ зубцовъ, сидитъ пастухъ-киргизецъ, весь голый, въ коротенькихъ только штанахъ до колѣнъ, и во все горло тянетъ свою дикую пѣсню.

— Эй, ты — ворона! — кричитъ ему матросъ съ бака, наставивъ руки рупоромъ.

— Самъ ты ворона! — чуть слышно доносится съ вершины стѣны.

— Знакомый — въ Казани часто бывалъ, объяснилъ мнѣ матросъ мое недоумѣніе при звукѣ на русское воззваніе, — русскаго же отвѣта.

Пароходъ идетъ мимо. Скоро и аулъ съ богатою кибиткою пирующего хозяина, и желтыя стѣны Чингалы съ своимъ киргизцемъ, — все осталось далеко сзади. Песчаная мель виднѣется впереди, она доходитъ почти до самой середины рѣки. Около нея качаются нѣсколько лодокъ — канковъ, грубо сколочен-

ныхъ въ формѣ башмаковъ, съ загнутыми кверху носками. Здѣсь киргизская переправа; не совсѣмъ законная переправа, потому что, по какому-то непонятному распоряженію, всѣ фортовые переправы сданы на откупъ и помимо ихъ никто не смѣетъ переправляться на протяженіи сорока верстъ отъ форта, въ обѣ стороны. Должно быть, это очень удобно несчастнымъ киргизамъ, особенно тѣмъ, у которыхъ кочевья занимаютъ оба берега. Впрочемъ, большую часть лѣта, Сырь-Дарья легко переплывается лошадьми и даже мелкимъ скотомъ, а потому странное распоряженіе администраціи остается для кочевниковъ не чувствительнымъ.

Мѣстность стала очевидно ниже. Показались арыки, впадающіе въ рѣку. У нѣкоторыхъ устроены были запруды, для удержанія воды. Вдоль береговъ потянулись плохіе пашни, засѣянные просомъ, и бахчи съ арбузами и дынями.

Сторожа сидятъ въ своихъ камышевыхъ шалашахъ и гоняютъ птицъ трещетками и пращею, швыряя кусочками глины и мелкими камешками.

Большой рукавъ рѣки отдѣлился вправо. Мы вошли въ лѣвый, узкій, но за то болѣе глубокій. Кончились обработанные поля, начались густые камыши, и какіе камыши! Несмотря на то, что теперь начало іюня и растеніе это не достигаетъ даже половины своего роста, всадникъ свободно можетъ спрятаться въ ихъ чащѣ. Пароходъ идетъ между двухъ ярко-зеленыхъ стѣнъ, чуть не задѣвая ихъ своими колесами.

Поминутно изъ всколыхнувшейся чащи взлетаютъ длинноногіе цапли и плавно несутся надъ самыми камышами. У одной изъ нихъ въ клювъ конвульсивно извивается маленькая змѣйка. Вотъ поднялось что-то большое, бѣлое, тяжело взмахнуло своими крыльями, отлетѣло шаговъ на десять и съ шумомъ опустилось внизъ, шелкая по упругимъ стеблямъ, это—пеликанъ, такъ-называемая баба-птица; онѣ появляются здѣсь довольно часто. Въ одномъ мѣстѣ пароходъ спугнулъ цѣлую стаю хохлатыхъ утокъ; пестрая вереница поднялась и съ крикомъ заматалась, не сразу сообразивъ, куда бы летѣть отъ этого пыхтящаго и посвистывающаго чудовища.

Стало прохладнѣе; солнце спускалось. Камыши рѣдѣли; показалось новое развѣтвленіе рѣки. Вдали чуть-чуть виднѣются мачты... одна, другая, третья... ихъ много. Это пароходъ «Перовскъ» съ своими баржами, вышедшій изъ Казалинска днемъ раньше. Онъ теперь стоитъ на причалахъ у острова Косъ-арала, близъ выхода въ Аральское море. Мы тоже должны

прибыть туда же, нагрузиться саксауломъ (мѣстное топливо, о которомъ я буду говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), переночевать и утромъ выступить въ море.

Чудную картину представлялъ островъ Косъ-аралъ, когда мы, наконецъ, подошли къ нему и стали на причалъ у самаго берега. Островъ образовался изъ большой отлогой косы и отмелей, поросшихъ сначала камышемъ, а впоследствии и другою степною растительностью. Уровень этого острова очень низокъ, а потому онъ не закрываетъ Аральскаго моря, которое видно за нимъ широкою темно-синею полосой.

Солнце спускалось за эту полосу. Все небо горѣло, словно охваченное пожаромъ, и на этомъ огненномъ фонѣ рѣзко очерчивались мачты судовъ съ своими снастями и черныя трубы пароходовъ. На берегу разбросаны были группы шалашей и кибитокъ, стоянка здѣшнихъ рыбаковъ. У самой воды видѣлись чудовищные котлы, вмазанные въ кольцеобразныя глиняныя печи. Въ этихъ котлахъ вытапливался сомовій жиръ, и красное пламя лизало ихъ закопченные бока, мѣстами даже до-красна накалившіеся. Густые столбы чернаго дыма валили отъ печей и разползались по небу. Снизу эти столбы были багрово-красные, потомъ черные, потомъ опять красные, окрашенные уже послѣдними лучами заходящаго солнца. Рыбачьи лодки, вытащенные на берегъ для конопатки и осмолки, лежали на пескѣ въ самыхъ живописныхъ группахъ. Всюду видѣлись развѣшанные на жердяхъ для просушки канаты съ крючьями, — варварскій, дикій способъ рыбной ловли, преслѣдуемый на Донѣ, Уралѣ и Волгѣ, какъ уголовное преступленіе, и пользующійся здѣсь, на Сыръ-Дарьѣ, полною гражданственностью.

Громадныя кучи саксаула, заготовленнаго для потребности пароходовъ, поднимались на берегу словно горы. Сотни бѣлыхъ рубашъ копошились у ихъ подножій. Это стрѣлки переносили топливо съ берега на суда, и быстро, торопливо, ну, точно муравьи за работою, — сновали отъ кучъ къ пароходамъ, отъ пароходовъ къ кучамъ, таская тяжелые, узловатые, корявые куски этого страннаго дерева.

На Косъ-аралѣ рыбачать около пятнадцати отдѣльных хозяйствъ. Русскихъ между рабочими мало — преимущественно киргизы, но зато хозяева всѣ безъ исключенія русскіе.

Нанимая киргизовъ по цѣнѣ отъ сорока до пятидесяти рублей въ годъ и закупивъ рублей на сто веревокъ и крючьевъ,

хозяйствъ фирмы совершенно обезпечиваетъ себѣ хорошій барышъ, благодаря баснословному обилію рыбы.

Ловится преимущественно «шипъ» (родъ осетра, только ту-поголовѣ), сомъ, усачъ... ловится и другая рѣчная рыба: сазаны, лини и щуки, но послѣднюю рыбаки пренебрегаютъ. Чтобы опредѣлить приблизительно доходность этой ловли, нужно знать только цѣны, по которымъ продается здѣсь рыбный товаръ на Казалинскомъ рынкѣ. Хорошая, жирная морская осетрина не дороже четырехъ копѣекъ за фунтъ, пудами—по рублю пятидесяти копѣекъ. Такъ-называемые, почтари, т.-е. осетры, заходившіе далеко въ рѣку, измученные продолжительною борьбою съ теченіемъ, худые и безвкусные, отдаются чуть недаромъ. Икра свѣжая по десяти копѣекъ за фунтъ,—жиръ осетровый—четыре рубля пудъ, а сомовій,—до двухъ съ полтиною. Способъ солки икры и рыбы и выварки жира—самый варварскій, а потому продукты получаютъ не особенно хорошихъ качествъ; особенно это отражается на икрѣ, скоро приходящей въ совершенную негодность. Это послѣднее обстоятельство зависитъ также, и отъ качества соли, добываемой верстъ за девяносто отсюда прямо изъ земли, взламываніемъ осадочныхъ напластованій. Неподверженная предварительной обработкѣ, соль эта содержитъ много примѣсей, и скоро приобретаетъ противный, горькій вкусъ съ запахомъ гнили.

Ловля крочьями производится слѣдующимъ образомъ: поперегъ рѣки, на болѣе удобныхъ мѣстахъ, хорошо извѣстныхъ по опыту, протягиваются канаты—переметы, съ деревянными поплавами, и на нихъ, съ промежуткомъ не болѣе трехъ вершковъ, вѣшаются на бичевкахъ желѣзные крочья, очень острые, съ зазубринами на кончикахъ. Благодаря теченію, крочья эти находятся въ постоянномъ движеніи и вбиваются во все живое, что только проходитъ мимо; несчастный осетръ или сомъ, попавши на подобный крочокъ, начинаетъ биться и въ него тотчасъ же вбиваются другіе крочья, иногда штукъ двадцать, такъ что рыба, несмотря на свою силу, не можетъ уже сорваться. Черезъ извѣстные промежутки времени рыбаки на лодкахъ объѣзжаютъ переметы, «завозы», осматриваютъ ихъ, обираютъ добычу и исправляютъ поврежденія.

Пойманную рыбу тутъ же пластаютъ на берегу, внутренности кипятятъ въ котлахъ для выварки жира, отдѣляютъ клей и икру и солятъ мясо въ большихъ деревянныхъ ларяхъ, просмоленныхъ и проконопаченныхъ, чтобъ не пропускали раствора «тузлука».

При насъ пришли со взморья двѣ лодки, вернувшіеся «съ

обора». Онѣ начали выгружать свой грузъ, и цѣлый рядъ громадныхъ осетровъ вытянулся на песокѣ, представляя безобразное, отвратительное зрѣлище. Окровавленные рыбы, съ распоротыми боками и разорванными жабрами, были на песокѣ въ послѣднихъ конвульсіяхъ — были экземпляры до двухъ аршинъ длины и даже болѣе, была и мелочь, которую рыбаки швыряли ногами, и относились къ ней съ полнымъ пренебреженіемъ.

Вѣтромъ потянуло отъ салотопныхъ котловъ и заразило воздухъ отвратительною вонью. Трудно дышать было отъ этого запаха, но, къ счастью, скоро потянуло въ другую сторону, а то, ночь на Косъ-аралѣ не оставила бы по себѣ пріятнаго воспоминанія.

Кончилась нагрузка топлива; заснули усталые солдаты, угомонились и рыбаки въ своихъ берлогахъ. Островъ заснулъ, и слышался только глухой плескъ берегового прибоя, да рѣзкій звукъ выбиваемыхъ «стеклянокъ» на пароходахъ. Небо чистое, звѣздное. Барометръ стоитъ хорошо (29+), все предвѣщаетъ на-завтра хорошую погоду.

IV.

Въ морѣ.—Утро.—«Анаемскій» пордь-вестъ.—Матросъ и пѣхотинецъ.—Опасности Аральскаго моря.—Остановка.—Устье Сыръ-Дарьи.—Птичье царство.—Гопка.—Голубая вода.—Островъ Барса.—Кельмесь и его страшная легенда.—Свѣжѣть въ ночи.—Качка.

Чуть разсвѣло, я проснулся и вышелъ на палубу. За песчаными отмелями острова Косъ-арала — темно-синяя лента захватывала чуть не двѣ-третьи горизонта. Проснулась рыбацья слободка; тамъ уже давно все живое находилось въ полномъ движеніи. Густой дымъ валить изъ-подъ котловъ, стучалъ молотокъ конопатчика, скрипѣло весло въ деревянной уключинѣ, галѣли рыбаки, перебравиваясь съ одной барки на другую, съ причальныхъ плотовъ на лодки... На одной изъ барокъ ставился громадный трехъ-угольный парусъ. Весь заплатанный, отрепанный, онъ, словно крыло какой-то гигантской птицы, медленно развѣтывался и полоскался на свѣжемъ утреннемъ вѣтрѣ. Верхняя половина его, освѣщенная восходящимъ солнцемъ, горѣла словно огненная, нижняя пряталась еще въ густой, синеватой тѣни. Красиво смотрѣть на все это, глазъ не оторв.....

— Чортъ бы побралъ этотъ пордь-вестъ анаемскій! Пожалуй, еще выдти помѣшаетъ!

— А, здравствуйте, капитанъ! Вы думаете?..

— Вотъ посмотримъ! Если не засвѣжѣетъ пуще, — пойдемъ! а то дневать придется.

Справились съ барометромъ: стоитъ хорошо, 22 +. Успокоились.

Пароходъ «Перовскъ» развелъ уже пары, взялъ свою баржу на буксиръ и трапы убралъ. Нашъ «Самаркандъ» тоже готовится къ отплытію, и отъ растопленныхъ печей несетъ удушливый, чаднымъ жаромъ.

Вернулась плюпка, осматривавшая баръ, т.-е. выходъ въ море. Двигающіяся отмели наноснаго теченіемъ песка, мѣняя постоянно направленіе фарватера, дѣлають эту предосторожность далеко не лишнею. Баръ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ, — на два съ половиною фута глубже, чѣмъ намъ надо.

«Перовскъ» далъ свистки и тронулся. Его баржа натянула свои буксиры, попридержала-было прыть парохода, но уступила силѣ и потянулась за нимъ.

Мы должны были выждать, пока «Перовскъ» выберется въ моръ, и тогда уже сниматься сами. Большинствомъ пассажировъ овладѣло тревожное чувство ожиданія чего-то новаго и не совсѣмъ безопаснаго; особенно это было замѣтно между солдатами, толпившимися на багъ парохода и на палубахъ баржъ; имъ, почти всѣмъ, въ первый разъ пришлось видѣть море, хотя-бы даже и Аральское.

— Какъ это тебя волною съ одного бока двинетъ, — ты это сейчасъ либо брюхомъ на палубу, либо о-бортъ скулою... А изъ-подъ ногъ ровно кто у тебя половицы выдергиваетъ, рассказываетъ разныя страсти бывалый матросъ — новичку пѣхотинцу.

— А я обѣими руками держаться буду, — говоритъ смущенный нѣсколько солдатъ.

— Держись, братъ, это хорошо! Да и зубами прихватишься маленько, — соглашается матросъ.

— Все нутро-то это изъ тебя повывернетъ... Помереть легче, — слышится за сверткомъ канатовъ.

— Зачѣмъ помирать — что за важность!..

Чуть уже виднѣются изъ-за отмелей, поросшихъ камышемъ, трубы «Перовска» и его высокія мачты. Вотъ эти трубы двигаются все тише и тише, вотъ совсѣмъ остановились. Назадъ поворачиваютъ... Да, такъ... Сюда идетъ «Перовскъ»... что случилось?..

Бѣловатая полоска дрогнула на горизонтѣ и подернула морскую синеву легкою зыбью. Пахнуло и на насъ свѣжестью и сыростью моря.

— Засвѣжѣло! — не безъ досады проворчалъ капитанъ, положилъ на столикъ бинокль и велѣлъ погасить топки.

Пароходъ «Перовскъ» не рискнулъ выйти въ море и повернулъ оглобли.

Аральское море, открытое со всѣхъ сторонъ, не совсѣмъ удобное море для спокойнаго плаванія, особенно такихъ судовъ, каковы составляющіе аральскую флотилію. Длинной и покойной волны, легко несущей судно, здѣсь не бываетъ, а при первыхъ порывахъ вѣтра поднимается тотчасъ же — такъ-называемая — «толчая», т.е. мелкая зыбь, увеличившаяся до значительныхъ размѣровъ. Здѣшніе пароходы почти плоскодонные и сидятъ мелко; у нихъ нѣтъ килы, могущаго противостать этой дробной, подталкивающей снизу силѣ, и пароходы рискуютъ, ни болѣе, ни менѣе — какъ переломиться. Для баржъ въ этомъ отношеніи опасность предстоить меньшая, но, потерявъ пароходъ, они должны остаться въ совершенно безпомощномъ состояніи, — на морѣ, окруженномъ самыми дикими, безжизненными берегами... Смерть отъ голода и жажды на палубѣ, та же смерть — если баржу выкинетъ какъ-нибудь или на пустынный островъ — отмель, — или же на такой же пустынный берегъ; конечно, баржи могутъ еще пользоваться парусами, — а если вѣтеръ стихнетъ, или приметъ невыгодное направленіе?...

Принимая въ расчетъ всѣ эти, могущія случиться, послѣдствія, — пароходы чрезвычайно осмотрительно относятся къ выходу за баръ; и самый легкій вѣтеръ, угрожающій перейти въ порывистый, степной вихрь, задерживаетъ пароходы на барѣ на довольно значительное время, а что всего хуже, на совершенно неопредѣленное. Даже во время самага плаванія, суда принуждены бываютъ часто бросать свой курсъ, направляться къ восточному берегу, и искать тамъ затишья, подъ защитою цѣлой цѣпи острововъ, унизывающей этотъ берегъ Аральскаго моря.

Однако на этотъ разъ, на наше счастье, тревога оказалась фальшивою. Море скоро успокоилось, зыбь улеглась; барометръ поднялся еще на $2^{\circ}22''$, и къ полудню мы снова развели пары и тронулись съ мѣста стоянки.

Чудную картину представляли безчисленныя развѣтвленія Сыръ-Дарьи, вливавшей въ море свои мутныя воды. Громадныя отмели, почти не возвышаясь надъ водною поверхностью, отличались отъ нея только своимъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ. Передъ вашими глазами раскидывалась точно гигантская карта, раскрашенная самыми яркими тонами. Тамъ желтый, сверкающій на солнцѣ песокъ граничитъ съ темно-лиловою полосою воды, на которую набѣжала тѣнь облака; тамъ, словно бирюза, сверкаетъ чудная ла-

зурь отраженнаго неба, рядомъ съ нею тянется изумрудная полоска камышевыхъ зарослей, а за нею, словно свѣтъ, бѣлымъ покровомъ раскинулся солончакъ, испещренный бурными пятнами прошлогодней, погибшей растительности.

Мѣстами виднѣлись отмели, покрытыя водою не болѣе какъ на дюймъ. Блескъ солнечныхъ лучей скрывалъ желтизну песка, и міриады голенастыхъ, прогуливающихся, или стоящихъ рядами, на подобныхъ отмеляхъ, казались просто гуляющими на водной поверхности; полныя, опрокинутыя отраженія еще болѣе усиливали этотъ оптический обманъ, и только набѣгающая тѣнь, по временамъ, открывала истину. Бѣлые пеликаны сидѣли на мели цѣлыми группами; лебеди плавали и ныряли, брызгая и оставляя за собою длинныя, издали замѣтныя борозды. Тысячи чаекъ съ крикомъ носились надъ мачтами, темный альбатросъ высоко распласталъ въ воздухѣ свои крылья... Да это цѣлое птичье царство!.. Я ничего еще до сихъ поръ не видѣлъ подобнаго!..

Пароходъ «Перовскъ» идетъ далеко впереди насъ. Онъ уже давно вышелъ въ море, онъ ставитъ паруса... этотъ маневръ мы ясно видимъ даже безъ помощи биноклей.

— Не хочеть, чтобъ мы его перегнали... подсмѣивается нашъ капитанъ.

Тщетная попытка! «Перовскъ» только въ 60 силъ, — «Самаркандъ» же въ 75. Мы должны догнать его и обойти черезъ часть, даже менѣе. Вотъ, мы мало по-малу и поравнялись.

Распустивъ паруса, усиленно дымя обѣими трубами, оставляя за собою пѣнистую борозду, «Перовскъ» очень красиво рѣжетъ ярко-зеленую, изумрудную поверхность моря. Мы всѣ на палубѣ, смотримъ въ бинокли и любуемся пароходомъ. Тамъ тоже вся палуба пестрѣетъ народомъ; они въ свою очередь любятъ нами... эта импровизованная гонка продолжалась недолго; вотъ мы и обошли. «Перовскъ» теперь идетъ сзади насъ; онъ держитъ курсъ немного правѣе.

Бойкій, расторопный матросъ, съ салфеткою подъ мышкою, докладываетъ, что завтракъ поданъ. Безукоризненная бѣлизна скатерти и сверкающее стекло приборовъ дразнить аппетитъ и манять подъ «тентъ». Пора завтракать!

Мы отошли уже далеко. Островъ Косъ-араль, самая возвышенная часть оставленнаго нами берега, чуть виднѣется туманною полоскою. «Перовскъ» все еще въ виду; онъ не очень-то отстаетъ отъ насъ, — ему паруса помогаютъ.

Я видѣлъ воды нѣсколькихъ морей, и только къ водамъ Аральскаго могу вполне примѣнить эпитетъ «изумрудныя». Тутъ,

положительно, нѣтъ поэтического преувеличенія. Вода дѣйствительно прелестнаго изумруднаго цвѣта и необыкновенно прозрачна. Эффектъ еще болѣе усиливается отъ ярко-голубыхъ рефлексовъ тѣневыхъ сторонъ волнъ и ослѣпительной бѣлизны пѣны подъ колесами. Глазъ не выдерживаетъ этого блеска, и если вы, хотя пять минутъ, безостановочно смотрѣли на воду, вамъ долго послѣ этого все остальное кажется, словно задернуто зеленымъ вуалемъ.

На вкусъ вода Аральскаго моря очень солона, и сильно возбуждаетъ кожу послѣ купанья. Все тѣло ваше горитъ какъ въ огнѣ, зато скоро этотъ усиленный жаръ смѣняется пріятною свѣжестью и бодростью во всемъ организмѣ. На пароходѣ, у колеса, устроена превосходная душъ, и мы всѣ очень часто пользуемся этимъ удобствомъ.

Курсъ парохода удаляется мало по-малу отъ восточнаго берега; онъ идетъ какъ разъ серединою моря, напрямикъ. Кругомъ не видно ничего, напоминающаго землю; одна безконечная лазурь водной поверхности. Небо чистое, безоблачное; вѣтерокъ легкій и въ тому же попутный. Наши баржи поставили паруса,—ходъ усилился.

Мы вышли уже на параллель острова «Николая»; самый островъ не можетъ быть видѣнъ; онъ не высокъ, а до него, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ верстъ... А вотъ еще что-то синѣетъ вдали, вправо; не то облачко, не то миражная, туманная полоска. Это островъ Барса-кельмесь, страшное, зловѣщее названіе, напоминающее одно изъ трагическихъ событій въ жизни при-аральскихъ кочевниковъ.

«Барса-кельмесь» значитъ: туда пойдешь, —назадъ не вернешься. Легенда говоритъ, что, лѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣсколько прибрежныхъ ауловъ, испугавшись степныхъ смутъ и разбоевъ, рѣшились воспользоваться суровою зимою, сковавшею льдомъ море, и переселились на этотъ островъ. Переселенцы очень хорошо знали, что постоянно жить на песчаникѣ, лишенныхъ растительности отмеляхъ,—невозможно, а потому запаслись на годъ всѣмъ необходимымъ, рассчитывая слѣдующую зиму, по льду же, вернуться на континентъ. Къ тому времени, предполагали они, въ степи станетъ покойнѣе, кто-нибудь возьметъ же верхъ: или русскіе, или смѣлый батырь ихъ, Аблой-Кенисары... а тогда, во всякомъ случаѣ, кончатся всѣ военные ужасы. Но, увы! въ степяхъ дѣйствительно успокоилось, за то слѣдующая зима оказалась менѣе суровой,—море не замерзло, и несчастнымъ пришлось провести на островѣ еще годъ. Къ половинѣ этого рокового года,—уже ни одного живого существа не было на островѣ. Голодная смерть

покончила со всѣми, и много лѣтъ спустя, русскія суда, экскурсирующія Аральское море и его острова, нашли только множество человѣческихъ скелетовъ, разбросанныхъ по близости обветшалыхъ, полуразнесенныхъ вѣтромъ, растрепанныхъ кибитокъ. Островъ этотъ получить другое какое-то официальное названіе, кажется островъ «Бековича», но это новое названіе осталось только на картахъ и никому неизвѣстно; народное же названіе «Барсакельмесъ» извѣстно каждому прибрежному кочевнику.

Солнце садилось довольно подозрительно. Туманная полоса, севозъ которую просвѣчивалъ багровый дискъ, все сгущалась и становилась шире. Надо было ночью ждать вѣтра, и вѣтра довольно порывистаго. Солдаты приуныли, матросы стали серьезнѣе; орудія были закрѣплены, маленькія пушки на кожухахъ совсѣмъ убраны, запасы топлива съ палубы спустили куда-то внизъ; вообще были приняты мѣры, чтобы какъ можно ниже перемѣстить центръ тяжести нашего плоскодоннаго парохода-плота. На баржѣ тоже суетились; тамъ обтягивали борта канатомъ, — могущимъ служить перилами... Всѣ, съ нескрываемымъ безпокойствомъ, поглядывали на маленькіе бѣлые всплески, «зайчики», начавшіе уже пестрить поверхность моря.

Пароходъ начало уже покачивать; это не трудно было замѣтить по походкѣ пассажировъ, которые едва держались на ногахъ, поминутно хватаясь руками, за что ни попало.

— Это не долго, — господа, не долго... — подбодривалъ насъ капитанъ съ своего мостика: — *этотъ* не долго дуть будетъ, часа два не больше; къ утру совсѣмъ покойно станетъ.

Берегись! — Бѣлый гребень поднялся надъ бортомъ и перевалился на палубу... Плеснуло-таки изрядно; — кое-кого подмочило... Качка усилилась. Что за безкокойная, безтолковая качка!... То судно покренитъ на бокъ, такъ что одно колесо погрузится до половины кожуха, а другое вертится чуть не на воздухѣ, едва задѣвая воду своими лопастями, то вдругъ поддастъ подъ корму, и пароходъ зароется носомъ... Гдѣ-то потрескиваетъ, и весьма подозрительно... Куда-то внизъ торопливо полѣзли матросы съ ведрами... Всѣ борты унизаны «страдающими». На палубѣ — хоть калоши надѣвай! хорошо, что большинство въ высокихъ походныхъ сапогахъ... Въ каюты идти нѣтъ охоты; тамъ темень непроницаемая; всѣ люки заколочены наглухо, а лампы зажечь нѣтъ никакой возможности... Никакъ стихаетъ?... Какой! еще хуже разыгрывается. Баржи за нами, словно страшныя привидѣнія, такъ вотъ и хотятъ повалиться на носъ; экъ ихъ раскачиваетъ!...

Ночь проведена безъ сна: какой тутъ сонъ, когда съ минуты

на минуту ждешь, что вотъ-вотъ затрепещитъ посильнѣе, вотъ-вотъ «переломится» и тогда... глаза невольно ищутъ спасительнаго буйка... Нашъ англичанинъ оказался предусмотрительнѣе всѣхъ, онъ систематически развернулъ свой гуттаперчевый снарядъ и надуваетъ его; вокругъ пояса у него тоже виднѣется что-то колбасовидное...

Капитанъ былъ правъ, какъ и всегда капитаны бываютъ правы. Еще не успѣла какъ слѣдуетъ разгорѣться утренняя заря, какъ вѣтеръ стихъ и взволнованная поверхность стала понемногу успокоиваться. На «камбузѣ» развели огонь и приготовили чай, это очень хорошій напитокъ послѣ такъ дурно проведенной ночи.

— Ромъ и лимоны неси!..—распоряжается капитанскій помощникъ. Это его спеціальность и прямая обязанность.

V.

Рѣзкая граница прѣсной воды съ соленою.—Вѣха.—Маякъ.—Новая рыбацья колонія.—Немного географіи.—Улькунъ-дарья.—Аулы.—Кара-капаки.—Наши новые подданные.—Джигитъ.—Быкъ-шалунъ.—Крѣпость Акъ-кала и воспоминанія.—Остановка на ночлегъ.

Мы все еще въ морѣ. Крутомъ вода и небо:—вода ярко-зеленая, небо темно-синее... Вдали, «подъ носомъ», по нашему, сухопутному—впереди—показалась, наконецъ, полоса пепельно-желтаго глинистаго цвѣта.

— Что это—берегъ?—спрашиваемъ у капитана.

— Нѣтъ, до берега еще далеко; это прѣсная вода.

Недоходя до устья Аму верстъ пятнадцать, вода сразу теряетъ всѣ свои морскія качества: ярко-зеленый цвѣтъ смѣняется мутнымъ, глинистымъ, сильно соленый вкусъ смѣняется совершенно прѣснымъ, и этотъ переходъ поражаетъ глазъ наблюдателя совершеннымъ отсутствіемъ постепенности.

Когда мы подошли ближе, то граница прѣсной и соленой воды опредѣлилась совершенно точно, словно водная поверхность была окрашена двумя разными красками. Въ ту минуту, когда пароходъ пересѣкалъ эту границу, можно было съ носа черпать воду прѣсную, для питья совершенно годную, межъ тѣмъ какъ съ кормы вода зачерпывалась совершенно соленая. Колеса парохода вспахивали уже грязную воду Аму, а еще не улеглась жемчужно-бѣлая борозда, оставленная судами на поверхности моря... Какъ-то странно даже смотрѣть на этотъ феноменъ, и все видѣнное невольно кажется какою-то утрировкой.

Береговъ еще не видно; они далеки, да къ тому же совер-

шенно плоски; скоро должны мы замѣтить маякъ-вѣху, поставленную для указанія «бара». Капитанъ уже отыскиваетъ ее, не отнимая своего бинокля отъ прищуренныхъ глазъ.

Вотъ показалась слѣва какая-то полоска и скрылась за рябью. Вонь, вдали, подъ бугристымъ мелькнули двѣ темныя точки, — это вѣхи?!. Нѣтъ, это лодки; къ намъ плывутъ рыбаки; имъ поручено наблюдать «баръ» и встрѣчать пароходы; за это они получаютъ каждый разъ по два рубля—не особенно дорого!..

Къ намъ приближались два туземныхъ каяка, съ сильно загнутыми вверху носами; они шли подъ парусомъ, сильно напоминающимъ классическій—латинскій. На встрѣчу этимъ каякамъ пошла одна изъ нашихъ шлюпокъ. Встрѣтились, поговорили... Подняли весла вверху, — сигналъ:—идти, все обстоитъ благополучно. Каяки пошли къ намъ, шлюпка потянулась куда-то въ сторону.

А, вотъ и берегъ! вотъ и вѣха,—длинная жердь съ пучкомъ хвороста на верхушкѣ, подпертая со всѣхъ сторонъ для устойчивости. Нѣсколько земляногъ разбросано по берегу, двѣ-три кибитки, нѣсколько каяковъ, вытщенныхъ на землю, днищами къ верху... Опять тѣ же котлы и столбы черного дыма, опять знакомые крючья и переметы, развѣшанные для просушки... Это новая рыбацья колонія русскихъ промышленниковъ, перебравшаяся съ Сыра къ устьямъ Аму уже въ недавнее время, послѣ извѣстныхъ политическихъ событій.

Рыбаки не жалуются на новое мѣсто; дѣла ихъ идутъ хорошо: «потому—край не початой, рыба не пугана», какъ говорятъ они сами.

Въ этой колоніи живутъ три семьи, или, правильнѣе—три хозяйства. Наемные рабочіе—мѣстные кара-капкаи; способъ ловли—тотъ же, варварскій,—крючьями; сбытъ въ Казаинскъ, черезъ него—дальше. Съ аму-дарьинскимъ же округомъ, несмотря на близость, колонія эта никакихъ сношеній не имѣетъ, за неудобствомъ сообщенія.

Аму-Дарья не доходить до Аральскаго моря. Верстъ за триста выше, она развѣтвляется на множество рукавовъ, и эти рукава, достигая размѣра значительныхъ, самостоятельныхъ рѣкъ, теряютъ уже названіе Аму, и имѣютъ каждый свое собственное. Главнѣйшія изъ нихъ: Янги-су, Улькунъ-дарья съ своимъ протокомъ Кичкене-дарья, Куванъ-джарма, Талдыкъ и другіе. Эти-то протоки, занимая громадный треугольникъ, вершина котораго Нукусъ — у самого развѣтвленія, а основаніе — извилистая линія морского берега, и называются аму-дарьинскою дельтою,—предметъ изслѣдованія и изученія для нашей экспедиціи.

Мы вошли въ рукавъ Кичене-дарьи «т.-е. малая рѣка», баръ которой оказался наиболѣе удобнымъ...

Тѣ же плоскіе берега, тѣ же песчаные отмели, тѣ же камни, какъ и на Сыръ-Дарьѣ; сходства много. Даже кибитки прибрежныхъ ауловъ тѣ же самыя, по крайней мѣрѣ издали такъ кажется, вблизи можно еще разсмотрѣть нѣкоторую разницу въ формѣ крышъ и самыхъ кибитокъ, болѣе приплюснутой. Первое, что рѣзко бросается въ глаза—это полное отсутствіе головныхъ уборовъ чисто киргизскаго типа; здѣсь вы не встрѣтите уже ни оригинальныхъ малахаевъ, ни разнѣзныхъ войлочныхъ шапокъ, все это замѣняется большою бараньею шапкою преимущественно чернаго цвѣта, чрезвычайно напоминающей кавказскую папаху.

Типомъ лицъ кара-калпаки замѣтно отличаются отъ киргизовъ: приплюснутые монгольскіе носы здѣсь уже рѣдкость, скулы не такъ выдаются, бороды и брови значительно гуще,—замѣтно сильное преобладаніе тюркской расы. Типъ кара-калпака красивѣе типа киргиза, но зато вы здѣсь рѣдко встрѣтите веселую, открытую фizioномію, не встрѣтите этого живого, хитраго, умнаго выраженія глазъ, такъ обыкновеннаго между киргизами, не увидите ни одного смѣлаго, энергическаго движенія. Васъ невольно поражаетъ какая-то забитость, оупленіе, присущія кара-калпаку, и, вглядываясь внимательнѣе въ черты его лица, разсматривая эти глаза, тупо, безцвѣтно, неопредѣленно смотрящіе, эти рты, полураскрытые, съ апатично-отвиснувшей нижней губою, вы ясно видите грустные слѣды забитой, угнетенной расы...

Плывя по Кичене-дарьѣ, мы только къ полудню вышли въ Улькунъ-дарью, которая замѣтно шире, и берега ея значительно оживленнѣе.

Показались вочевья и аулы съ множествомъ кибитокъ и зимовокъ, показались стада, гдѣ преобладали мелкій рогатый скотъ и лошади; невольно обращаетъ вниманіе полное отсутствіе верблюдовъ, не выносящихъ лѣта на этихъ обильныхъ комарами и мошками низменностяхъ. Зато у многихъ кибитокъ видѣлись ясные признаки осѣдлости, или, по крайней мѣрѣ, перехода къ ней: тамъ-и-сямъ стояли большія двухколесныя арбы, и небольшой обозъ изъ десятка арбъ, запряженныхъ быками въ одиночку, скрылся и визжа на всю округность, тянулся по довольно сносной дорогѣ... Видѣлись участки, вспаханные и засеянные джугарою и просомъ.

И здѣсь, при проходѣ нашихъ судовъ, берега унижывались группами любопытныхъ, но это не были тѣ живые, веселыя группы... Молча, апатично смотрѣли кара-калпаки на невидан-

ную диковину, и потихоньку расходились по своимъ вѣбитеамъ, когда «диковина» скрывалась изъ вида.

Какой-то джигитъ, въ черной шапкѣ, на высокорослой лошади, покрытой попоною до самыхъ ушей, подѣхалъ къ самому берегу, угрюмо поглядѣлъ на насъ и поскакалъ короткимъ галопомъ, ровняясь съ судномъ—это и не трудно было для его коня, потому что противъ теченія пароходъ идетъ тихо, не болѣе семи верстъ въ часъ. Часа два провожалъ насъ джигитъ такимъ образомъ; матросы пробовали съ нимъ заговаривать,—не отвѣчаетъ... Свистокъ парохода встревожилъ большое стадо, подошедшее къ рѣкѣ для водопоя... Черный, красвѣй быкъ замѣтилъ коровъ на палубѣ нашей баржи, заревѣлъ и бросился въ воду; онъ поплылъ къ намъ, ловко борясь съ теченіемъ, выбрался на середину рѣки,—его захлснуло волною изъ-подъ колеса. На берегу раздался шумъ и крики, особенно между женщинами, слышались угрозы и ругательства, обращенныя къ намъ, будто мы были причиною случившагося съ быкомъ несчастія.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось замѣчать то, далеко недружелюбное отношеніе къ намъ при-амударынскаго населенія. Если они и не имѣютъ повода относиться къ намъ черезчуръ враждебно, то пока нѣтъ и причинъ къ болѣе теплomu дружескому отношенію... Чтѣ покажутъ дальнѣйшія событія, будемъ ждать и надѣяться... авось и приручимъ къ себѣ нашихъ новыхъ подданныхъ.

— Не скоро еще!—замѣчаетъ, закуривая сигару, нашъ капитанъ:—онъ старый азіяты и хорошо знаетъ мѣстные нравы.

Скоро мы должны пройти подъ самыми стѣнами береговой хивинской крѣпости Акъ-кала — фортъ этотъ былъ построенъ наскоро, года два до нашествія нашего на Хиву, и его возведеніе имѣло уже для насъ довольно ощутительное послѣдствіе. Пароходъ «Самаркандъ», тотъ самый, на которомъ мы плывемъ теперь, сильно пострадалъ отъ хивинскихъ ядеръ, пущенныхъ съ верховъ Акъ-калы; у него подбили орудіе, повредили кожухъ и перебили прислугу, но въ общемъ результатъ, перевѣсъ канонады оказался на нашей сторонѣ, гарнизонъ оставилъ крѣпость и наша эскадра благополучно прошла мимо нея, пробираясь на соединеніе съ оренбургскимъ отрядомъ.

Начались воспоминанія и рассказы объ этомъ событіи; только эти рассказы, выходя прямо изъ устъ очевидцевъ и участниковъ дѣла, отзывались какимъ-то юморомъ, и довольно даже злымъ... Надо полагать, что шутники имѣли какое-нибудь основаніе изощрять такъ свое остроуміе.

Мы завидѣли желтоватія стѣны крѣпости еще на поворотѣ рѣки, группа деревьевъ зеленѣла за этими стѣнами, дальше — еще какія-то развалины... «Отсюда, говорили мнѣ, — открыть былъ огонь нами — катали все картечью»... Разстояніе на глазъ версты полторы, на дѣлѣ оказалось много больше; картечный же выстрѣлъ имѣетъ значеніе развѣ на одну четвертую часть этого разстоянія.

Послѣ этого знаменитаго Акъ-калинскаго дѣла состоялась и та несчастная командировка Шабашева съ двѣнадцатью матросами, кончившаяся такъ трагически для посланныхъ.

Мы прошли подъ самыми стѣнами Акъ-валы, не болѣе какъ въ двадцати саженьяхъ отъ нихъ. Крѣпость эта въ настоящее время брошена и уже полу-развалилась. Какъ и всѣ азіатскія крѣпости, она состоитъ изъ четырехугольнаго пространства, обнесеннаго довольно высокою, глинобитною стѣною съ фланкирующими угловыми выступами въ родѣ башенъ. По близости ютятся нѣсколько сакель и мазанокъ, и видно что-то въ родѣ небольшого базара. Дымокъ, поднимающійся изъ-за группы «карагачей», указывалъ на присутствіе людей въ этихъ сакляхъ. А, вотъ они и сами вылѣзли изъ-за стѣнокъ и смотрять; въ сгустившихся сумеркамъ чуть только можно разсмотрѣть эти темныя, двигающіяся группы.

Что-то вдругъ сильно застучало у насъ въ лѣвомъ колесѣ... Засуетились, остановились, начали осматриваться. Оказалось — пустая: — лопнулъ ободъ у колеса и вывалилось одно его звено. Пошли дальше. Стемнѣло совсѣмъ, и изъ пароходныхъ трубъ полились огненные фонтаны. На потемнѣвшихъ берегахъ, въ густомъ мракѣ послышались возгласы изумленія и даже страха.

— Три съ четвертью! — раздается голосъ лотоваго матроса.

— Тише ходъ! — слышится съ капитанскаго мостика.

— Ровно три!.. — раздается опять.

— Стопъ машина!

... — Такъ, чѣмъ, ты говоришь, его ранили, — осколкомъ подушки?.. — допрашиваетъ кто-то подъ тентомъ.

Мы вплотную подтянулись къ берегу, занесли «тали», спустили трапъ и расположились на ночлегъ. Тѣмъ временемъ выгрузили на берегъ, установили небольшую переносную вузницу и принялись за починку поврежденнаго колеса.

Разошлись и мы по своимъ каютамъ — до утра.

Н. К А Р А З И Н Ѣ.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 9.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ АМУ

Путевые очерки.

Окончаніе.

VI *).

Мертвые берега.—Плывущая саранча.—Мурія-Джіармо.—Джіармо.—Хивинская переправа.—Наводненіе и затопленные аулы.—Лоцманъ Аралы.—Прогулка по ауламъ.—Женщины и дѣти.—Поражающая бѣдность.—Святой мулла.

Мертвые, совершенно безлюдные, открытые берега Аму тянулись съ обѣихъ сторонъ.

Рѣка стала шире. Мутно-желтыя воды катились какъ-то беззвучно:—ни всплеска у береговъ, ни пѣнистаго прибоя по окраинамъ отмелей.

И въ воздухѣ было удушливо, тихо. Мы плыли словно по какому-то мертвому царству.

Вдали, на самомъ горизонтѣ, видѣлось что-то похожее на деревья;—тамъ, можетъ быть, и были люди, была жизнь, но это было очень далеко. Лучшіе наши бинокли не показывали намъ ничего опредѣленнаго...

Странное обстоятельство обратило наше вниманіе. Прежде всего мы замѣтили, что пѣна подъ колесами парохода, бѣлосовато-грязная, словно взбитое мыло, стала окрашиваться чѣмъ-то краснымъ, потомъ, вправо отъ судна, показались какія-то, плывущія по теченію, пятна ржаваго, желѣзистаго цвѣта. Пятна эти

*) См. выше: февр., 651 стр.

увеличивались, множились, дробились на одинокія точки... Вся рѣка покрылась ими,—и глуше заклокотали лопасти пароходныхъ колесъ, словно онѣ заворачивались въ болѣе густой, плотной массѣ... Присмотрѣлись къ одинокимъ, болѣе близкимъ пятнамъ: вотъ ясно видны головки, лапки, цѣлыя насѣкомыя, то врозь, то сплотившіяся въ комки... Это все оказалась саранча,—пѣшая, о которой я уже говорилъ въ предыдущихъ главахъ. Вѣроятно, она переходила рѣку гдѣ-нибудь выше, и это плыли мимо насъ отхваченныя, унесенныя теченіемъ массы.

Ожила рѣка; показались концентрическіе, расходящіеся круги рыбныхъ всплесковъ; громадные сазаны высказывали чуть не до половины надъ поверхностью воды, сверкали на солнцѣ своею серебристою чешуею и жадно глотали обильную добычу; а добыча эта самая лакомая, ея много, ей нѣтъ ни числа, ни мѣры!

Сорокъ верстъ шли мы вверхъ по теченію,—и все время массы саранчи плыли намъ навстрѣчу непрерывными колоннами.

Вѣвѣ показался протокъ, довольно широкій, поросшій по берегамъ камышами, — это Мурія-Джіармо; широкая полоса водъ этого протока видна была верстъ на десять и скрывалась за поворотомъ. Вонъ еще новый протокъ, больше перваго,—это просто Джіармо; при устьѣ своемъ она образуетъ длинный, выдающійся мысъ, и на этомъ мысѣ, пройдя совершенно безлюдными берегами около пятидесяти верстъ, мы снова увидѣли зимовки и аулы каракалпаковъ. Здѣсь кончается безлюдный промежутокъ Улькунъ-Дарыи и начинается болѣе населенная береговая полоса — «чимбайская волость».

По близости отъ этой косы находилась большая хивинская, караванная переправа. Громадные кайки, не меньше нашего парохода, стояли цѣпью вдоль берега. У того мѣста, гдѣ обрывалась, дойдя до воды, колесная дорога, построены были сторожки изъ плетенаго камыша, на привязяхъ стояло нѣсколько осѣдланыхъ лошадей; двѣ фигуры въ черныхъ шапкахъ и яркихъ красныхъ халатахъ бродили по берегу, рисуясь на пескѣ яркими, такъ и бьющими въ глаза пятнами... Большой верблюдь, вѣроятно, брошенный прошедшимъ караваномъ, лежалъ на пескѣ, совершенно распластавшись, вытянувъ свои длинныя, мозолистыя ноги... Нѣсколько конныхъ спѣшно гнали куда-то стадо овецъ, поднявшее цѣлыя облака густой пыли. Вѣтеръ крутилъ и несъ эту пыль столбомъ, наискось переваливаясь черезъ рѣку.

Солнце жгло невыносимо, а самого солнца почти не было видно: какой-то мутный, свѣтящій шаръ сквозилъ сквозь мглистый туманъ. Знойный, раскаленный воздухъ дрожалъ и коле-

бался, сгущаясь на горизонтѣ и опоясывая его колеблющимися линіями миражныхъ озеръ... Тяжело дышать, работа валится изъ рукъ, всѣмъ организмомъ овладѣваетъ тоселивая апатія...

Часа черезъ четыре безостановочнаго движенія, пейзажъ сталъ нѣсколько измѣняться. Рѣка расширялась все болѣе и болѣе, камышъ гуще покрывалъ берега, впереди показались острова, поросшіе тоже густымъ камышомъ... Мы подходили къ началу громадныхъ озеръ Кара-куль и Сары-куль; Улькунъ-Дарья проходила черезъ оба эти озера.

Настоящее время—было время наибольшаго разлива, и надъ поверхностью воды, мѣстами, виднѣлись затопленные зимовки. Появились аулы, очутившіеся на островахъ; множество маленькихъ лодокъ сновали по всѣмъ направленіямъ, перевоза разобранныя кибитки на болѣе сухія мѣста; изъ-за бортовъ этихъ лодокъ виднѣлись головы козъ и барановъ, болѣе крупный скотъ перегонялся вплавь... Мимо насъ пронесло теченіемъ кибитку, смытую водою, пронесло еще какое-то тряпье и деревянные обломки... Вода поднялась болѣе, чѣмъ того ожидали, и многихъ жителей застала врасплохъ. И это бѣдствіе, какъ я узналъ послѣ, было приписано вредному вліянію русскихъ пришельцевъ — «осквернена земля друзьями шайтана, Аллахъ и лишилъ ее своего покровительства».

Пароходъ остановился и бросилъ якорь. Баржи отдали буксиры, и ихъ подрейфовало вѣтромъ прямо въ камышевыя заросли. Спустили шлюбку и послали ее въ аулъ—отыскать тамъ проводника, высланнаго намъ навстрѣчу начальникомъ Амурдаринскаго отдѣла.

Мы видѣли, какъ наша шлюбка подошла къ берегу, какъ ее тотчасъ же окружила толпа каракалпаковъ... Долго шли переговоры, сопровождаемые жестами, довольно энергическими со стороны нашихъ матросовъ и самыми почтительными со стороны туземцевъ. Наконецъ, кончилось тѣмъ, что шлюбка вернулась безъ лоцмана:—его въ аулѣ не оказалось.

Совсѣмъ съ противоположной стороны, изъ-за камышей, показался кайкъ; онъ шелъ быстро, отталкиваясь на длинныхъ шестахъ; на его носу стоялъ высокій человѣкъ, въ неизбѣжной бараньей шапкѣ, и махалъ намъ платкомъ, повязаннымъ на длинной палкѣ; это и былъ настоящій лоцманъ, ожидавшій насъ въ другомъ мѣстѣ, и теперь выѣхавшій къ намъ предложить свои услуги.

Смуглый, почти черный атлетъ съ клинообразною бородою, довольно ловко взобрался по спущенному трапу, протолкался

связозъ толпу къ капитанскому мостику и бойко вбѣжалъ на лѣстницу.

По его движеніямъ видно было, что ему уже знакомы диковинные «шайтанъ-кайки», и онъ уже не разъ плавалъ на нихъ, указывая имъ дорогу. Теперь онъ уже четвертый разъ провожалъ нашъ пароходъ и поздоровался съ капитаномъ и ближайшими матросами, какъ со старыми знакомыми.

Мы могли продолжать путь дальше. Надо было только подтянуть наши баржи, отнесенныя вѣтромъ довольно далеко. Эта операція могла продолжаться около трехъ часовъ,—и мы воспользовались остановкою, чтобы сойти на берегъ и посмотрѣть аулы поближе, а если удастся, то проникнуть и во внутренности кибитокъ.

Первое, чтó поразило насъ, едва только мы ступили на землю, это множество опять той же пѣшей саранчи, ползавшей повсюду. Особенно много скопилось ея на тѣневыхъ сторонахъ канавокъ,—тутъ насѣкомые кишили въ нѣсколько слоевъ, облѣпивъ совершенно кусты колючаго джунгила и камышевые стебли. Такъ какъ по близости не было никакихъ посѣвовъ, то жители аула относились къ этому нашествію совершенно покойно и равнодушно.

Кибитки аула расположены были довольно безпорядочными группами; всѣ онѣ были маленькія, закопченныя до-нельзя, старыя... Мы подошли къ ближайшей изъ нихъ:—женщина, вся въ тряпкахъ, грязная и босоногая, выскочила изъ кибитки, захватила подъ мышки совершенно голаго ребенка, другого, постарше, прихватила за шиворотъ, бросилась отъ насъ бѣгомъ и спряталась въ сосѣдней канавѣ; оттуда она выглядывала на насъ, какъ звѣрь изъ своей норы, готовый, при первомъ приближеніи охотника, выскочить и бѣжать дальше.

Проходя мимо, мы заглянули въ ея жилище: страшная вонь отъ гнилой рыбы такъ и пахнула намъ въ лицо. Полная нищета царствовала въ этой кибиткѣ. Не было ни одного ковра, не было даже ни одного войлока, необходимой принадлежности кочевыхъ жилищъ. На голой землѣ валялось нѣсколько связокъ камыша, и тлѣли уголья подъ желѣзнымъ таганомъ. На волосаной веревкѣ висѣло какое-то тряпье, изъ котораго дымомъ выгоняли кишившихъ тамъ паразитовъ... Зашли въ другую кибитку—то же самое;—въ третью—еще того хуже! И всюду стремительное, ничѣмъ неудержимое бѣгство при нашемъ появленіи... Ни ласки, ни привѣтствія, ни угрозы, ничто не могло остановить бѣгле-

цовъ; наконецъ, уже пригоршни серебряной мелочи удержали нѣсколько это бѣгство,—корысть одержала побѣду надъ страхомъ.

Жалко было смотрѣть на эти испытія, чахлая фізіономіи, съ отвислыми губами, съ цынготными деснами. Я не видалъ ни одного лица, сколько-нибудь дышащаго здоровьемъ, ни одного тѣла, не поражавшаго своею чрезмѣрною худобою.

Въ одну кибитку, относительно чище прочихъ на видъ, насъ не хотѣли-было пустить. Толпа мужчинъ, человѣкъ десять, загродили входъ, съ видимою рѣшимостью отстоять его во что бы то ни стало отъ вторженія припелъцевъ. Спросили причину этого запрета — оказалось, что здѣсь живетъ мулла святой, видѣть котораго намъ не должно ни подъ какимъ предлогомъ. «Онъ и своимъ рѣдко показывается,—говорили защитники входа,—только развѣ въ святые дни, когда захочетъ почитать аулъ особою благодатью... Не ходите! онъ прогнѣвается, а гнѣвъ его на насъ обрушится,—мы отвѣтимъ за то, что не удержали васъ и допустили осквернить его святость...» Дѣлать нечего, хотѣли-было идти дальше, да, къ счастью, самъ мулла оказался гораздо сговорчивѣе своихъ прихожанъ:—услыхавъ споръ у дверей своего жилища, онъ вышелъ. Мы увидѣли старика, сѣдого, сгорбленнаго, слѣпнаго на одинъ глазъ. Поверхъ его бараньей шапки наворочено было что-то въ родѣ чалмы,—признакъ его сана; въ рукахъ у него была длинная палка и бумажный свертокъ съ выписками изъ корана.

На наше приглашеніе показать свое жилище, мулла отвѣчалъ полнымъ отказомъ, ссылаясь на то, что тамъ сидятъ женщины, а ихъ лицъ нельзя видѣть постороннимъ мужчинамъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ сталъ ему доказывать, что коранъ запрещаетъ показывать женщинамъ лица, но не запрещаетъ появляться имъ въ обществѣ подъ сѣткою, и что въ данномъ случаѣ имъ стоить только закрыться при нашемъ входѣ и предписаніе шаріата будетъ исполнено въ точности.

Офицеръ, знатокъ корана и шаріата, говорилъ недурно на туземномъ нарѣчій—и у нихъ завязался довольно оживленный диспутъ.

Мулла однако былъ непреклоненъ, и мы собрались-было идти дальше, какъ одинъ матросъ нечаянно толкнулъ дверь, та распахнулась настежь, и къ великому нашему удивленію мы не увидѣли тамъ не только что женщинъ, но даже ни одного живого существа, кромѣ козы, лежавшей на-привязи.

— Ну, пріятель, такихъ женъ шаріатъ не запрещаетъ показывать!—расхохотался офицеръ, спорившій съ муллою.

Этимъ эпизодомъ закончилась наша прогулка по аулу. Пароходъ далъ свистокъ, и мы поспѣшили на шлюбку.

Новый лоцманъ занялъ свое мѣсто, около рулевого, и пароходъ, пыхтя и посвистывая, тронулся въ путь, ломая прибрежные камыши своими колесами.

VII.

Озеро Кара-куль, гигантскіе камыши, птицы и рыбы, плавучіе камыши, рыбаки и ихъ жилища. — Пароходъ-разрушитель. — Невозможность продолжать путь далѣе.

Мы вошли въ озеро Кара-куль. По мѣрѣ нашего входа въ озеро, берега все удалялись и удалялись, скрываясь за камышами. Мы плыли по цѣлому лабиринту гигантскихъ, чудовищныхъ камышей. Все озеро заросло ими; между этими ярко-зелеными стѣнами извиваются тысячи водныхъ протоковъ, глубокихъ, прозрачныхъ, переплетающихся между собою и извивающихся въ самыхъ неожиданныхъ изворотахъ...

Глухой гулъ, словно въ дремучемъ лѣсу, стоитъ въ этихъ могучихъ заросляхъ, густая, темная зелень которыхъ пріятно ласкаетъ глазъ, утомленный однообразнымъ, пепельно-желтымъ цвѣтомъ сожженныхъ солнцемъ равнинъ.

Надъ поверхностью воды камышъ достигалъ до двѣнадцати аршинъ высоты; бросили лотъ—онъ показалъ глубину отъ семи до восьми аршинъ и даже болѣе мѣстами... А камышъ вѣдь этотъ растетъ на днѣ, надъ водою мы видимъ только верхнюю его половину!

Тысячи птицъ снуютъ и щебечутъ въ этихъ тѣнистыхъ чащахъ; тамъ-и-сямъ чернѣются ихъ качающіяся гнѣздышки... Тяжелые пеликаны съ шумомъ вылетаютъ изъ чащи и опускаются на открытыхъ мѣстахъ понырять и поплавать; граціозные лебеди несутся по низу, вытянувъ длинныя шеи, задѣвая крыльями за гибкія метелки... Голубой пчелоѣдъ, словно бирюзовая точка, дрожить и сверкаетъ въ воздухѣ, или же покачивается, усѣвшись на самомъ кончикѣ стебля, толщиной въ палецъ... Шумными тучами переносятся розовые скворцы, прилетавшіе съ берега сюда на охоту за мошками и комарами... Жизнь кипитъ надъ водою, кипитъ и въ водѣ: громадные сомы всплываютъ почти на самую поверхность и словно бревна неподвижно чернѣютъ въ прозрачной спокойной водѣ; цѣлыми стадами гуляетъ, рѣзвится мелкая рыба, и только шумъ пароходныхъ колесъ да

звонкое шелканье буксирнаго каната тревожить все это населеніе и гонить его прочь, дальше отъ человѣка, въ самую глубь непроходимой чащи, куда никакіе «шайтанъ-кайки» не доберутся.

Между этими неподвижными зарослями встрѣчаются и другія, плавающія. Корни камыша устарѣють и подгниють, вѣтеръ раскачаетъ ихъ и сорветъ такимъ образомъ цѣлый островъ, и вотъ плыветъ этотъ островъ, путаясь и цѣпляясь на каждомъ поворотѣ за другіе кусты, срывая ихъ въ свою очередь, загораживая свободные проходы, затрудняя и безъ того трудное плаваніе по этимъ зеленымъ лабиринтамъ.

Мы замѣтили мѣстами снопы камыша, связанные въ пучки—это путеводныя вѣхи. Онѣ замѣтны издали, ихъ назначеніе указывать дорогу, однако нашъ лоцманъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія; да имъ и не слѣдуетъ особенно довѣряться: изъ дружелюбія съ русскими здѣшніе каракалпаки часто срѣзываютъ настоящія, правдивыя вѣхи и вяжутъ новыя тамъ, куда пароходу заходить совсѣмъ не слѣдуетъ. Безъ опытнаго проводника можно забраться съ большимъ судномъ въ такую глушь, откуда ужъ назадъ не выберешься.

До ста верстъ въ ширину разливаются воды этого озера, сохраняя вездѣ почти одинаковую глубину. Профильтрованная камышами вода чиста и прозрачна, но на вкусъ отдаетъ нѣсколько сырѣмъ и гнилью.

Воздухъ здѣсь прохладенъ, имъ легко дышется; и еслибъ только не эти міриады комаровъ, густымъ туманомъ волнующіеся надъ водою, то прогулка по этому оригинальному озеру была бы одна изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній путешествія въ Амударынскую дельту.

Тутъ и люди гнѣздятся словно птицы, въ своихъ легкихъ, временныхъ жилищахъ, весьма много общаго имѣющихъ съ птичьими гнѣздами. Рыбаки-каракалпаки забираются сюда на свои лѣтніе промыслы. Мы нѣсколько разъ встрѣчали ихъ кайки и проходили мимо ихъ пріютовъ. Послѣдніе устраиваются очень просто: камышъ срѣзаютъ на четверть аршина надъ поверхностью воды, и связавъ въ пучки срѣзанное, настилаютъ его прямо на оставшіеся комли, такимъ образомъ получается свайная постройка; только сваи эти каждая въ палецъ и немного болѣе толщиною, и гнутся какъ волосъ; но за то ихъ много, цѣлая сплошная, густая щетка, и взаимная упругость ихъ сдерживаетъ довольно значительную тяжесть. Мы видѣли такіе помосты, на которыхъ гнѣзилось по три, по четыре человѣка. Рыбаки ухи-

трялись даже раскладывать огонь, насыпавъ предварительно слой песку или земли, привезенной изъ далека, съ твердынь береговъ, для этой именно цѣли. Надъ помостками, на легкихъ шестахъ, устраиваются навѣсы, все изъ того же камыша; тамъ-и-сямъ между чащами, въ свободныхъ проходахъ, виднѣются нехитрые рыболовные снаряды, и, увы! опять тѣ же преступныя крючья, замаскированные, впрочемъ, у русскихъ, такъ какъ до сихъ поръ туземцы не знали другихъ способовъ ловли, какъ удочки, сачки и небольшіе бредни.

Къ нашему огорченію, а еще болѣе къ полному отчаянію самихъ рыбаковъ, пароходныя колеса однимъ взмахомъ уничтожали всѣ попадающіеся на пути рыболовные снаряды, и надо было видѣть, съ какою торопливостью рыбаки садились въ свои лодки и спѣшили вслѣдъ за пароходомъ подбирать плавающие остатки и отрепья.

Полуголыя, бронзовыя фигуры, для выигрыша времени, кидались иногда прямо въ воду, и, ловко плавая, подхватывали веревки, наматывали ихъ на шеи, а то и просто брали въ зубы, съ пойманнымъ возвращались на свои плоты, а оттуда уже посылали намъ въ слѣдъ самыя злыя пожеланія.

Да какъ же имъ было и не сердиться... Столько вѣковъ — прадѣды ихъ и дѣды, отцы, и наконецъ они сами рыбачатъ здѣсь въ этихъ заросляхъ, совершенно покойно, а тутъ вотъ пришли какія-то громадныя огненные лодки, дымятъ, пыхтятъ, свистать на все озеро, распугиваютъ рыбъ, и, въ концѣ-концовъ, безцеремонно разрушаютъ ихъ снасти!

До мѣста назначенія, т.-е. до русскаго лагеря, расположеннаго на самомъ берегу, у подножія небольшой горной группы — Кушкане-тау, оставалось не болѣе пяти верстъ. Мы ясно уже видѣли лиловый гребень этихъ горъ, поднимающійся надъ моремъ камышей, и рассчитывали добраться туда еще за-свѣтло.

Расчеты наши не сбылись. Проходы между камышей становились все уже и уже, повороты круче и круче, мы забрались, наконецъ, въ такую тѣснину, что дальше идти было уже невозможно. «Самаркандъ» бросилъ якорь.

Рѣшено было переночевать здѣсь и завтра утромъ подтянуть на завозахъ баржи съ десантомъ къ берегу и начать высадку.

Плаваніе наше окончилось.

VIII.

Бивуаѣ у Кушкане-тау. — Лагерь безсрочно-отпускныхъ. — Полковникъ Ивановъ, начальникъ Аму-дарьинскаго отдѣла, левъ хивинскаго похода. — Удушливая ночь, + 31° Реомюра.

Четырехвесельная шлюбеа причалила къ плоскому, песчаному берегу, то-есть не къ самому берегу, а остановилась за мелководіемъ, не дотянувшись саженой двухъ до сухого мѣста. Мы были въ высокихъ сапогахъ, а потому маленькое неудобство высадки насъ не слишкомъ стѣсняло.

Вдоль берега, у самой почти воды, тянулся характерный, пестрый, оживленный бивуаѣ. Мы высадились въ самомъ центрѣ его кипучей дѣятельности.

Здѣсь собрано было до шестисотъ человѣкъ солдатъ; несмотря на это, бивуаѣ рѣшительно не имѣлъ ничего такого, что напоминало бы чисто-военный характеръ лагеря. Пестрота костюмовъ, отсутствіе правильности и порядка въ размѣщеніи палаточекъ и кибитокъ, крайняя оживленность, чувство воли и свободы, такъ и сіявшее на каждомъ загорѣломъ, бронзовомъ лицѣ, невольно поражали глазъ наблюдателя. Веселыя пѣсни хмѣльного разгула, знакомая, родная гармоника, говоръ и смѣхъ — такъ и били въ уши какъ-то ярмарочнымъ гуломъ.

Это были все безсрочно-отпускные... Дождались они, наконецъ, возможности вырваться на волю, — ну, и радовались же они этой, давно жданной, желанной воли!..

Они стояли здѣсь уже вторую недѣлю, и какъ манны небесной ждали прибытія парохода, который долженъ былъ перевести ихъ въ Казалинскъ, откуда они отправляются сухопутнымъ трактомъ, чрезъ степи, всякъ на свою родину.

Все горе, всѣ заботы, всѣ лишенія тяжелой боевой жизни, все забыто было разомъ, словно ничего не было вовсе. Впереди роились только одни надежды, самыя розовыя, свѣтлыя, отрадныя такія...

— Ужъ какъ же, домой пришедши, дуть буду свою Анисью — страсть! — говорить синяя рубаха на выпускъ другой рубахѣ, красной, кумачевой, такъ и горящей на солнцѣ.

— За что, за что дуть?.. — освѣдомляется та.

— Ужъ я знаю за что... тоже, чай, слышали про ейныя дѣла...

— Ежели я эвти самыя триста рублей пушу по торговой

части: питейный откромъ, аль бо что другое...—сообщаетъ бакенбардистъ съ полосатою ленточкой на груди...

«Во пиру была—во бесѣдушѣ»—

—покрываетъ все лихая, горластая пѣсня...

Каждое утро, на холмѣ, что спускался отлогимъ скатомъ къ рѣкѣ, несмотря на палящій зной, собиралась густая толпа, и не сходила такъ до вечера съ этой обсерваторіи... Это все они высматривали, не покажется ли парходный дымъ, вдали за этими зелеными, камышевыми чащами, не покажется ли тоненькая черточка мачты и бѣлые паруса баржъ на буюсирѣ.

Вотъ, увидѣли они и дымъ, и паруса, и мачты, послѣ двухнедѣльнаго, самаго томительнаго ожиданія; какъ же имъ теперь не ликовать, не радоваться; и найдется ли такая рука, безжалостная, что покусится подняться на это веселье и попробуетъ водворить здѣсь скучный, однообразный, казенный характеръ военнаго лагеря!

А тутъ же, посреди бивуака, стояла большая кошменная кибитка, и около нея торчалъ грозный значокъ начальника Амударьинскаго округа, полковника Иванова, выѣхавшаго тоже на встрѣчу парохода и членовъ нашей экспедиціи.

«Ничего, что же, онъ, до чего другого грозенъ, а нашему веселью не мѣшаетъ», думаютъ солдаты, а потому не очень-то стѣсняются его присутствіемъ.

«Они достаточно наработались, лихо отслужили въ свое время, и никакой отдыхъ не искупить вполне того, что они вынесли» — думаетъ въ то же время онъ, и смотритъ пока сквозь пальцы.

Первымъ дѣломъ, по высадѣ на берегъ, мы всѣ отправились къ Иванову, онъ насъ встрѣтилъ на порогѣ своей кибитки.

Это былъ еще молодой человѣкъ, высокаго роста, красивый блондинъ, съ окладистою, свѣтлою бородою. Эта борода дала ему названіе «сары-сакаль-тюра» (желтобородый начальникъ). И на томъ, и на этомъ берегу туземцы не знаютъ другого имени; такъ и величаютъ они его и между собою, и за-глаза, и прямо въ глаза, даже при официальныхъ встрѣчахъ.

Ивановъ давно уже служить въ Средней Азіи,—чуть ли не второй десятокъ лѣтъ; лучшаго знатока азіатскихъ нравовъ трудно и найти было. Необыкновенный тактъ, рѣшительность и энергія его слишкомъ хорошо извѣстны туземцамъ, и, благодаря этой популярности, онъ съ своими двумя батальонами, заброшенный въ самую отдаленную глушь, отрѣзанный отъ ближайшаго подкрѣп-

ленія чуть не полутора-мѣсячнымъ разстояніемъ, чувствуетъ себя совершенно какъ дома, несмотря ни на какое смутное состояніе края.

Я давно уже, еще въ прежнихъ своихъ поѣздахъ въ центральную Азію, зналъ этого человѣка, и зналъ его всегда покойнымъ, не теряющимъ ни на секунду, въ самыхъ критическихъ, неожиданныхъ положеніяхъ. Слѣдующій фактъ вполне характеризуетъ эту способность соображать и не теряться. Въ послѣднюю кампанію, Ивановъ, съ тремя казаками, переводчикомъ и нѣсколькими туземными джигитами, былъ окруженъ партіей тюременъ, человѣкъ въ двѣсти... Русскіе тотчасъ же спѣшились, сплотились въ кучку и начали отстрѣливаться. У Иванова былъ револьверъ съ шестью зарядами; разстрѣлявъ пять изъ нихъ, онъ остановился и не выпустилъ шестого, какъ ни нападали на него непріятельскіе всадники. Онъ этотъ зарядъ готовилъ для чего-то особеннаго. Когда пришло подкрѣпленіе и горсть русскихъ была спасена, его, израненнаго, привезли въ лагерь и между прочимъ спросили: для чего сберегъ онъ шестой выстрѣлъ?—Для себя,—покойно отвѣчалъ Ивановъ,—я присматривался, нѣтъ ли у тюременъ аркановъ, и еслибъ только я почувствовалъ на себѣ прикосновеніе веревки, тюременамъ достался бы мой трущъ, а не живой плѣнникъ.

Вотъ, къ этому-то лѣву хивинскаго похода мы и отправились представиться, да встать и позавтракать.

Въ тотъ же день, кое-какъ, гдѣ тягою на завозахъ, гдѣ на шестахъ, протащились сквозъ камыши наши баржи и стали не вдалекѣ отъ берега. Началась оживленная разгрузка и нагрузка. На баржахъ пришли молодые солдаты на смѣну старымъ.

Безъ устали, безъ понуканія, раздѣвшись до-нага, бредя по поясъ въ водѣ, работали солдаты... они работали для себя и потому не нуждались въ этомъ понуканіи. Тѣ, что въ другое время тянулось бы нѣсколько сутокъ, окончено было въ одинъ день, и еще засвѣтло баржи могли бы отправиться въ обратное плаваніе.

Намъ приготовлены были кибитки для ночлега и верховыя лошади для насъ и подъема нашего багажа. Рѣшено было завтра, съ разсвѣтомъ, идти къ городу Чимбаю, исходной точкѣ экспедиціи.

Ночь стояла жаркая, удушливая; несмотря на близость такой массы воды, отъ нея не вѣяло свѣжестью; раскаленные за день песчаные холмы Кушкане-тау испускали ночью столько лучистой теплоты, что термометръ не понижался ниже $+ 31^{\circ}$ Реомюра.

Все тѣло покрывалось испариной и было какъ разбитое; безъ сна, несмотря на усталость, мы даже не рѣшались лечь въ постель и истребляли невѣроятное количество воды съ лимонною кислотою. Къ разсвѣту стало нѣсколько прохладнѣе, лошади были осѣдланы, и мы тронулись въ путь.

IX.

Отъ Кушкане-тау до Чимбай.—Горы Кушкане-тау.—Бѣлыя сопки.—Низменная обработанная полоса. — Чигири. — Борьба жизни съ смертью.—Мертвые пески.—Змѣи.—Проваль и каракалпаки.—Чимбайскіе старшины.

Солнце еще не взошло, когда нашъ маленькій кортежъ выступилъ изъ лагеря, по чимбайской дорогѣ.

Съ нами ѣхалъ и начальникъ округа «Сары-сакаль-тюра». Онъ ѣхалъ во главѣ кавалькады, на приземистой казачьей лошади; около него рысили и подпрыгивали нѣсколько офицеровъ изъ его штаба и неизбежное лицо—переводчикъ. Сзади насъ ѣхали десятка два конвойныхъ казаковъ и вели въючныхъ лошадей, нагруженныхъ ковриками, чемоданчиками, походными чайниками и разными дорожными принадлежностями.

Хребетъ Кушкане-тау вырисовывался съ каждымъ шагомъ нашихъ лошадей. Въ эту сторону горы спускались почти отвѣснымъ обрывомъ, исполосованнымъ горизонтальными линіями. Ясно было видно, что поверхность водъ какого-то доисторическаго моря достигала почти вершины этого края и, понижаясь мало по-малу, промыла эти параллельныя полосы.

Взосшедшее солнце освѣтило этотъ обрывъ; рѣзко обозначились на немъ темно-синія тѣни поперечныхъ трещинъ, засверкали серебристыя полосы, покрытыя осадочнымъ солонцеватымъ налетомъ, и особенно ярко выступили на немъ охристыя, темно-желтые пласты съ зеленоватыми металлическими прожилками.

Ближе къ намъ, на песчаныхъ покатостяхъ, точно искусственно устроенныя, разбросаны были, чрезвычайно оригинальныя на видъ, коническія сопки почти бѣлаго цвѣта. Бока этихъ сопекъ были такъ круты, что по нимъ невозможно было взобраться даже пѣшему. Эти возвышенія чрезвычайно походили на гигантскія сахарныя головы, какъ своимъ цвѣтомъ, такъ и формами. За ними тянулась уже низменная равнина, виднѣясь, въ промежуткахъ между сопками, темно-синею, туманною полосой.

Сначала дорога была неровная, съ безпрестанными подъемами и спусками, и мало по-малу всѣ эти неровности остались сзади.

Мы вступали въ культурную полосу, населенную каракалпаками-земледѣльцами «щенчи». Часамъ въ семи утра, мы въѣхали въ густую, мелкорослую чащу джунгила и джиды, перемѣшанныхъ съ колючимъ терновникомъ и другими кустарниками мѣстныхъ видовъ.

Кое-гдѣ, по сторонамъ дороги, дымились кибитки каракалпаковъ и виднѣлись глинобитныя стѣны зимовокъ. Мѣстами кустарникъ былъ расчищенъ; тамъ зеленѣли небольшія четвероугольныя поля, обработанныя и засѣянные хлопкомъ и джугарою. Словно серебрястыя жилки, змѣились переплетающіеся между собою арыки и пронзительно визжали «чигири», накачивая воду изъ глубины этихъ оросительныхъ канавъ на болѣе возвышенныя мѣста.

Чигири, — это водокачальный приборъ слѣдующаго незатѣйливаго устройства: на простомъ горизонтальномъ приводѣ, въ видѣ шестерни, очень грубо сдѣланной, устанавливается вертикальное колесо, ободъ котораго увязанъ, совершенно одинаковой величины и формы, глиняными кувпинами съ широкимъ отверстіемъ. Эти сосуды укрѣплены всѣ по одному направленію, наискось къ ободу, въ сторону вращенія колеса; лошадь или быкъ ворочаютъ приводъ, и колесо черпаетъ воду внизу, а поднимая наверхъ, вливаетъ ее въ подставленные желоба. Такимъ образомъ, высота подъема воды зависитъ отъ величины діаметра колеса, и нѣсколько чигирей, разстановленныхъ по извѣстной системѣ, могутъ поднять воду на довольно значительную возвышенность.

Орошеніе чигирями есть единственный способъ, принятый каракалпаками; онъ гораздо проще и легче, чѣмъ эти знаменитыя заравшанскія плотины и шлюзы, требующіе ежегодно для своего поддержанія тысячи рабочихъ рукъ и затратъ значительныхъ капиталовъ.

Но зато тамъ побѣда, разъ одержанная человекомъ надъ природою, прочна, — здѣсь же полудикій хлѣбопашецъ ежедневно долженъ бороться съ могучимъ соперникомъ, и каждый часъ, упущенный имъ въ этой борьбѣ, ведетъ къ потерѣ всего прибрѣтеннаго.

Жгучее, палящее солнце, бездождное девяти-мѣсячное лѣто, сосѣдство мертвыхъ, песчаныхъ пустынь, — всѣ эти страшные враги обрушились на голову земледѣльца; противъ нихъ онъ противопоставляетъ только свои чигири съ водою — не хватило рукъ на день работы — значительная потеря; не хватило рукъ на болѣе время, — и солнце неумолимо выжигаетъ все посѣянное. Гдѣ

вода — тамъ жизнь, гдѣ ея нѣтъ — смерть. И жизнь и смерть граничатъ слишкомъ близко одна къ другой, чтобы хлѣбопашецъ могъ ослабить свое вниманіе въ этой непрерывной борьбѣ.

Въ прошедшемъ году много рабочихъ рукъ было отвлечено политическими событіями изъ этого края, и теперь мы видѣли полузасыпанные пескомъ, выжженные поля, на которыхъ едва-едва сохранились слѣды прежней обработки. И это за одинъ годъ!

Проѣзжая впоследствии какъ разъ границею мертвыхъ песковъ и обработанной полосы, мы видѣли не разъ, какъ изъ-подъ песчаного слоя, въ нѣсколько аршинъ толщины, торчали сухіе остовы деревьевъ и поднимались полуразрушенные станы жилищъ, быть можетъ прежде окруженных самою цвѣтущею растительностью.

Грустное, тяжелое впечатлѣніе на путешественника производить видъ этого кладбища затраченныхъ силъ, непосильныхъ трудовъ человека...

Поминутно приходилось переѣзжать намъ черезъ мостики, крайне шаткіе и подозрительные. Большинство всадниковъ предпочитало прыгать прямо черезъ арыки, чѣмъ довѣряться этимъ сооруженіямъ...

Солнце начинало припекать-таки изрядно. Дорога становилась все хуже и хуже, кустарники рѣже и чахлѣе, а впереди желтѣли уже сплошные пески, черезъ полосу которыхъ намъ приходилось переѣзжать въ самый полдень.

Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ полосъ, одолѣвшихъ человеческія руки. Старики въ Чимбаѣ говорили, что они помнятъ еще то время, когда дорога отъ ихъ города къ горамъ Кушканетау была обрамлена непрерывными зелеными полями и садами.

— Ханъ и тюркмены отняли у насъ руки, — говорили они, — песокъ отнялъ землю. Навстрѣчу намъ, прямо въ лицо подулъ вѣтеръ, и насъ обдало удушливымъ жаромъ, точно изъ жерла натопленной печи...

— Воды набери въ бутылки, у кого есть, — слышался чей-то заботливый голосъ сзади.

— Перемахнемъ и такъ! Въ два часа на той сторонѣ будемъ, — отвѣчалъ другой, беззаботный.

Казаекъ, въ темно-сѣрой рубахѣ, рванулся съ мѣста въ карьеръ, чуть не сбивъ съ ногъ при этомъ мою скромную, туземную лошадеку; въ рукѣ у казака дымился горящій артиллерійскій фитиль. Это значило, что нашъ полковникъ вынулъ изъ портсигара папиросу. Лихіе, наметанные его конвойцы не дожидаются словесныхъ приказаній и смотрятъ въ оба...

Два туземца-джигита и одинъ казакъ тоже въ карьеръ понеслись впередъ, обогнали насъ, мелькнули раза два въ чащѣ кустарника, показались еще разъ на вершинѣ небольшого курганчика — и скрылись, словно потонули въ этихъ желтыхъ пескахъ, разстилавшихся передъ нашими глазами.

Они были посланы на мѣсто привала, чтобы въ нашему прибытію приготовить чай, единственный, ничѣмъ незамѣнимый напитокъ, съ помощью котораго только и можно бороться съ этими сорока-градусными жарами.

Вотъ и пески!

Растительность исчезла; лошади повѣсили головы и пошли тише... Стало душно и тяжело дышать... Стихнеть на минуту легкій вѣтеръ, и неподвижный, раскаленный воздухъ давить васъ, словно накладываетъ на ваше тѣло свинцовыя латы; пахнѣтъ этотъ вѣтеръ, — еще того хуже выходитъ: онъ обжигаетъ вамъ лицо, обжигаетъ руки, шею, все, неприкрытое платьемъ... Кожа сохнетъ и трескается съ несносною болью, и обожженные солнцемъ, обвѣтренныя мѣста болятъ какъ отмороженныя... Двѣ, диаметрально противоположныя причины, приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

А вотъ и развлеченіе.

Одинъ изъ всадниковъ, ѣхавшій въ сторонѣ, вдругъ осадил лошадь и потянулъ изъ ноженъ свою кривую шашку... Вотъ онъ нагнулся, рубить что-то по землѣ, съ ожесточеніемъ, съ полною безпощадностью... Усталая лошадь косится, прядетъ ушами и храпитъ...

Изъ любопытства, я поспѣшилъ подъѣхать: большая змѣя, около полутора аршина длиною, вся сверкающая, словно металлическая, конвульсивно извергается и бьется на песокъ; отрубленная голова ея еще моргаетъ глазами и шевелитъ раздвоеннымъ языкомъ. Это очень ядовитая, степная порода змѣй, весьма близко подходящая къ извѣстнымъ гадюкамъ или казюлькамъ новороссійскихъ степей, только крупнѣе. Укушеніе этой гадины почти всегда смертельно, особенно если запоздаетъ медицинская помощь.

Какъ бы ни усталъ путешественникъ, какъ бы ни былъ изнуренъ его конь, онъ все-таки, увидавъ этого ненавистнаго врага, не воздержится отъ охоты на этого ядовитаго гада.

Такимъ образомъ, пока мы переходили песчаную полосу, шириною не болѣе двадцати верстъ, было убито до шести змѣй, что позволяетъ считать эту степь не совсѣмъ удобнымъ и пріятнымъ уголкомъ для мирной жизни.

Кончатся несносные пески! да и пора! Кони наши совсѣмъ уже выбиваются изъ силъ, глаза путниковъ смотрятъ безжизненно и вяло, разговоры стихли, всѣ молчатъ и упорно глядятъ впередъ, по одному и тому же направленію.

Тамъ синѣетъ вдали туманное пятнышко; это группа деревьевъ. Тамъ вода, тамъ тѣнь! Тамъ ждутъ насъ чайники съ горячимъ, ароматическимъ чаемъ...

Нагайки щелкаютъ усерднѣе, — усталые кони и не думаютъ прибавлять шагу, путешественники начинаютъ волноваться, — ихъ мучитъ жгучее нетерпѣніе... Разстояніе кажется длиннѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ... время тянется безконечно долго...

Одинъ только Ивановъ покойно идетъ на своемъ «моштакѣ» не измѣняя позы на сѣдлѣ, не прибавляя, не убавляя шагу, не мѣняя выраженія на своемъ покойномъ лицѣ... Для этого всадника будто не существуетъ ни усталости, ни жары...

Опять казакъ съ фителемъ рванулъ впередъ... а тѣмъ временемъ всѣ остальные пользуются минутною остановкою и наскоро передаютъ другъ другу бутылку съ послѣдними, живительными каплями...

Къ часу дня мы остановились на привалѣ, въ тѣни джидоваго кустарника, на арыкѣ Джакъ-казака, у небольшого каракалпакскаго аула, и съ наслажденіемъ растянулись на разостланныхъ попонахъ и буркахъ. Шагахъ въ двадцати стояло нѣсколько бѣдныхъ, закопченныхъ кибитокъ съ войлочными только крышами; боковыя стѣны кибитокъ были обнесены просто «чѣми» т. е. вязанными камышевыми загородками. Невдалекѣ находились и зимовки этого аула, четырех-угольный дворъ, обнесенный довольно высокою, глиняною стѣною, съ навѣсомъ вдоль стѣны, по внутренней ихъ сторонѣ... У самыхъ стѣнъ лѣпились нѣсколько абрикосовыхъ деревьевъ, отбрасывая жиденькую тѣнь; дальше виднѣлось десятокъ два чахлахъ тополей; корни этихъ деревьевъ, обмываемые арыкомъ, пускали многочисленные отпрыски, а между тѣмъ вершины ихъ уже сохли и виднѣлись оголенными вѣтвями... Два ишака и худая лошаденка со сбитою спиною ворочали неизбѣжный чигирь, визжавшій на всю окрестность. Дюжина куръ бродила между грядами, засаженными хлопкомъ, высокій тонконогій жеребецъ, кровный туркменъ, выглядывалъ изъ-за камышевой загородки и неистово ржалъ, косась на нашихъ смиренныхъ лошадокъ.

Это былъ первый каракалпакскій аулъ, по дорогѣ отъ Кушкане-тау до Чимбая.

А вотъ рискнули подойти къ намъ и обитатели аула. Ихъ было человѣкъ восемь; только двое изъ нихъ были въ халатахъ, остальные въ однихъ въ длинныхъ рубахахъ изъ грубой бѣлой бумажной ткани; рубахи эти были не подпоясаны и обрисовывали худыя, костлявыя тѣла... Всѣ они были въ неизбѣжныхъ громадныхъ черныхъ шапкахъ; каждый несъ въ рукахъ какое-нибудь угощеніе для насъ, путешественниковъ...

Отъ этихъ фигуръ такъ и вѣяло библейскою древностью, особенно отъ двухъ изъ нихъ, съ стереотипными, высокими глиняными кувшинами на плечахъ.

Они принесли намъ «айракъ» — смѣсь козьего молока съ водою, нѣсколько прокисшая, но довольно пріятная на вкусъ, еслибъ только все это было хотя немного опрятнѣе... Брюзгливому человѣку лучше и не заглядывать въ нѣдра этихъ кувшиновъ, иначе онъ, умирая даже отъ жажды, не рѣшится хлѣбнуть айрака, не рѣшится даже поднести къ своимъ запекшимся губамъ края этого кувшина...

Впрочемъ, всѣ присутствующіе оказались народомъ невзыскательнымъ, и, процѣдивъ айракъ черезъ носовые платки, пили его не безъ удовольствія.

Принесли намъ урюку (абрикосовъ), но онъ еще оказался совершенно зеленъ, и пробовать его было бы дѣломъ рискованнымъ; ко всему этому прибавилось еще блюдо лепешекъ изъ смѣси пшеничной муки съ джугарою... Все принесенное предложено было намъ, конечно, даромъ, «силлау»; но тѣмъ не менѣе принесшіе были увѣрены, что въ накладѣ не останутся, а потому, поставивъ все передъ нами, сами отошли неподалеку и сѣли въ рядъ, на корточки, внимательно созерцая насъ и слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Спустя минутъ пять пріѣхали къ нашему оазису нѣсколько конныхъ, одѣтыхъ побогаче. Они слѣзли съ своихъ лошадей и, почтительно согнувшись, начали приближаться къ полковнику... Это, оказалось, пріѣхали съ *арзомъ*, т.-е. просьбою о чемъ-то. Имъ объявлено было, что начальникъ «Сары-саваль-тюра» будетъ ночевать въ Чимбаѣ и тамъ приметъ всѣ просьбы и жалобы, по которымъ выйдетъ и немедленное рѣшеніе. Пріѣхавшіе совершенно удовлетворились этимъ и съ привала ѣхали уже вмѣстѣ съ нами, увеличивъ нашу кавалькаду. Дорогою къ намъ пристроились еще новыя группы, такъ что передъ воротами Чимбая нашъ кортежъ, по мѣстному жаргону, забиралъ подъ себя очень много дороги.

Отдохнувъ полчаса и напившись чаю, мы снова сѣли на лоша-

дей и пустились въ путь, сравнительно болѣе пріятный, такъ какъ дорога пролегала теперь по мѣстамъ уже культурнымъ, и глазъ не утомлялся болѣе тяжелымъ однообразіемъ пустыни.

Солнце жгло, впрочемъ, также невыносимо и изъ-подъ ногъ лошадей поднималась ѣдкая, солонцеватая пыль.

Впереди показались густыя группы садовъ. Показался народъ, стоявшій пестрою толпою въ тѣни стараго раскидистаго дерева. Между черными шапками видѣлись двѣ-три чалмы—это были муллы, духовныя особы. У городской межи насъ ожидали почетныя лица города, выѣхавшіе навстрѣчу Иванову «съ хлѣбомъ-солью».

Вопреки обыкновенію носить преимущественно темныя одежды, въ этой толпѣ было нѣсколько яркихъ, такъ и бьющихъ въ глаза костюмовъ... Это были жалованные халаты «*сярпачи*».. По существующимъ правиламъ этикета, къ начальнику надо всегда являться въ томъ халатѣ, который имъ былъ пожалованъ...

Опять блюда съ варенымъ рисомъ, конфектами, урюкомъ и разною зеленью; опять неизбѣжныя лепешки и кувшины съ кушомъ и айракомъ...

«Хлѣбъ-соль» была принята, т.-е. ко всему милостиво прикоснулись пальцы начальника, и мы поѣхали дальше.

Х.

Городъ Чимбай и его населеніе. — Базарная улца, городъ, зимовка, 40,000 кибитокъ.—Кичейли.—Наша стоянка.—Ураганъ и тревога.

Пріятнымъ холодомъ повѣяло на насъ изъ-подъ тѣнистыхъ навѣсовъ чимбайскаго базара. Длинные жерди были перекинуты черезъ улицы, опираясь своими концами на сакельныя крыши, и на эти жерди были настланы хворостъ и цыновки... Эта крытая галлерей тянется черезъ весь базаръ, и отъ нея идутъ боковыя вѣтви, также защищенныя отъ солнца.

Сначала непривычный къ темнотѣ глазъ чуть-чуть различалъ во мракѣ очертанія предметовъ и движущіяся тамъ фигуры, но мало по-малу все яснѣе и яснѣе становилось кругомъ, глазъ привыкалъ скоро... Во всемъ измученномъ продолжительною дорогою организмѣ чувствовалось пріятное ощущеніе сырого холода, точно мы очутились сразу въ какомъ-то погребѣ. Даже лошади замѣтно ободрились,—и гулко неслись подъ сводами топотъ многочисленныхъ копытъ и довольное, веселое фырканіе чующихъ нощлегъ коней...

Яркій лучъ свѣта, прорвавшись сквозь щель навѣса, скользилъ по кроваво-красному куску мяса, висѣвшаго передъ дверью мясника, перебѣгалъ на свертки ремней и обрѣзки цвѣтной кожи у лавки шорника, задѣвалъ мимоходомъ заплѣснѣвѣлый бокъ шестиведернаго, коллосальнаго самовара и упирался прямо въ топкую, вонючую грязь никогда не просыхающей лужи, какъ разъ по срединѣ улицы... Тамъ освѣщалось веселое лицо мальчика въ островерхой шапочкѣ, непремѣнно красной; тамъ лоснилась почтенная, гладко обритая голова правовѣрнаго, снявшаго для прохлады свою тяжеловѣсную шапку... Наши бѣлые кителя и рубахи, въѣзжая въ подобную полосу свѣта, освѣщались мгновенно, словно вспыхивали, — и также мгновенно исчезали, погружаясь снова въ область мрака и прохлады.

Кое-кто изъ жителей поспѣшно вскакивали на ноги при нашемъ проѣздѣ, и творили самые подобострастные, чуть не земные поклоны, другіе кланялись съ достоинствомъ, чуть-чуть нагибая голову и не вставая. Большинство же, не мѣняя своихъ спокойныхъ, полулежащихъ позъ, равнодушно провожало насъ глазами, не удостоивая своихъ побѣдителей даже обыкновеннымъ привѣтствіемъ.

Базарныя улицы были кривы и узки. Встрѣчные робко жались къ самымъ стѣнкамъ, а то и просто заходили въ лавки, чтобы дать намъ дорогу... Базарный воздухъ, такъ пріятно поразившій насъ сначала своею прохладой, давалъ-таки себя чувствовать съ другой, менѣе привлекательной стороны; мѣстами мы просто вынуждены были затыкать пальцами носы и задерживать дыханіе, — такіе тамъ распространялись мѣстные ароматы, особенно въ тѣ минуты, когда ноги нашихъ лошадей тревожили покой вѣковыхъ, покрытыхъ зеленою плѣсенью и ржавчиной, гніющихъ лужъ.

Выбрались мы, наконецъ, изъ-подъ базарнаго навѣса и поѣхали по открытымъ уже улицамъ, на другой конецъ города, гдѣ на площади бывшаго ханскаго сада стояла бивуакомъ казачья сотня и были поставлены кибитки для нашего помѣщенія.

Домовъ, т.-е. сакель, въ Чимбаѣ очень немного. Весь городъ состоитъ изъ глинобитной ограды, охватывающей пространство окружностью версты полторы; только базарная часть этого пространства застроена.

Каракалпаки, кочуя лѣтомъ близъ своихъ полей, въ кибиткахъ, на зиму перебираются въ Чимбай, и въ этой оградѣ собираются всѣ вмѣстѣ, въ тѣсную кучу, доходя числомъ до сорока тысячъ кибитокъ.

Постоянное тревожное положеніе, боязнь набѣговъ и грабежей со стороны тюрменъ, своихъ черезчуръ воинственныхъ сосѣдей, выработали этотъ характерный образъ полукочевой, полусѣдой, городской жизни. Лѣтомъ каракалпаки считаютъ себя болѣе или менѣе обезпеченными отъ этихъ набѣговъ: широкая Аму съ своимъ безчисленными рукавами, протоками и болотистыми берегами защищаетъ ихъ отъ тюрменъ, но зимою, едва только кора льда покроетъ водныя поверхности и сплотитъ вязкій грунтъ болотъ, на мирныхъ поляхъ начинаютъ появляться разбойничьи партіи, перешедшія съ лѣваго берега, и несчастные земледѣльцы ищутъ себѣ спасенія, скучиваясь на зимовки въ станахъ своихъ тѣсныхъ, общественныхъ загоновъ, громко именуемыхъ городами. Такимъ образомъ основались—Чимбай, Нукусъ, и другіе сѣдлыя пункты оазиса праваго берега, перешедшаго по договору съ Хивою въ наше владѣніе.

Протокъ Кичейли, пересѣкая базарную, центральную улицу, огибаетъ Чимбай и за нимъ уже, ниже по теченію, развѣтвляется на арыки полей, и тамъ расходится весь безъ остатка, такъ что все плодородіе обработанныхъ пространствъ вокругъ этого пункта зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ количества водъ этого протока. Кичейли—это жизненная артерія Чимбая; онъ же и его главный путь сообщенія съ прочими пунктами, лежащими выше, и водами самой Аму-Дарьи.

Все населеніе Чимбая, отъ мала до велика, собралось и окружило нашъ лагерь — шутка ли въ самомъ дѣлѣ! Самъ начальникъ—Сыра-сакаль-тюра пріѣхалъ и съ нимъ самые диковинные, невиданные до сихъ поръ въ такихъ мѣстахъ люди, все муллы, ученые изъ Петербурга, «Акъ-падши-ставка», т.е. города царя блага...

Но скоро судьба прервала этотъ спектакль, разогнала всѣхъ по своимъ саклямъ и надѣлала намъ самимъ, «ученымъ мулламъ», не мало хлопотъ и безпокойства...

Еще подъѣзжая къ Чимбаю, мы замѣтили какую-то особенную, все усиливающуюся и усиливающуюся духоту въ воздухѣ. Весь горизонтъ на юго-западъ былъ задернутъ какъ будто туманомъ, и эта тяжелая, свинцовая полоса все росла и росла, мало-по-малу заволакивая все небо... скоро солнце потеряло свои лучи и сквозило въ этой мглѣ матовымъ, тусклымъ шаромъ. Тамъ же, на горизонтѣ, поднимались громадныя столбы пыли, волновались, кружились въ воздухѣ и снова падали... послышалось нѣсколько отдаленныхъ громовыхъ перекатовъ, молніи не видно было, и въ воздухѣ стало еще душнѣе.

Первый порывъ вѣтра налетѣлъ совершенно неожиданно, словно этотъ порывъ изъ-подъ земли вырвался, словно онъ родился тутъ же на этомъ мѣстѣ, посреди нашего лагеря... и съ остервенѣніемъ потрясъ деревомъ, подъ которымъ стояла одна изъ нашихъ палатокъ.

Вслѣдъ за этимъ разомъ весь воздухъ наполнился мельчайшею пылью; въ сгустившемся мракѣ пронеслись, словно гигантскія птицы, какія-то бѣлыя тряпки—это сорвало нѣсколько казачьихъ палатокъ. Кибитки наши затряслись, наклонились; нѣсколько волосяныхъ аркановъ, натянувшись какъ струны, щелкнули. Мы выскочили всѣ вонъ и, ухватившись за что ни попало, начали удерживать на мѣстѣ свои временныя жилища.

Словно фантастическія тѣни виднѣлись въ облакахъ пыли—то бѣгущіе куда-то человѣческія фигуры, то лошади, сорвавшіеся съ своихъ приколовъ, рыскающія по лагерю, съ развѣвающимися хвостами и гривами. Какая-то двухколесная арба сама собою прокатилась шагахъ въ четырехъ отъ меня, нырнула въ арыкъ своими колесами, уперлась и стала.

Вѣтеръ то немного стихалъ, то усиливался снова. Громовые удары изрѣдка повторялись, глухіе, короткіе. Въ воздухѣ чувствовался запахъ сѣры; дышать было тяжело, сердце билось усиленно, и вообще всѣмъ организмомъ овладѣвало какое-то непріятное, нервное раздраженіе.

Изъ города неся тревожный гулъ, крики, дикое ржаніе лошадей, трескъ сорванныхъ навѣсовъ, потянуло гарью и чадомъ.

Часа полтора продолжался ураганъ; нашъ ученый метеорологъ, присѣвъ въ одной только рубашкѣ на корточкахъ и уцѣпившись за веревку, охватывающую крышу кибитки, называлъ явленіе это только очень сильнымъ вѣтромъ, при насыщенномъ электричествомъ атмосферѣ. Затѣмъ все мало-по-малу стихло, и мы принялись приводить въ порядокъ наши пострадавшія жилища и смахивать пыль, верхневымъ слоемъ покрывавшую наши чемоданы и постели.

Къ вечеру воздухъ посвѣжѣлъ, наступила чудная, прохладная ночь, и мы сладко заснули послѣ дневной передраги.

XI.

Протокъ Кичейли.—Подъ мостомъ.—Аму-дарьинскіе бурлаки-каньчи.—Берега Кичейли.—Ночлеги и часовые.—Ночные звуки.—Сплавка сѣна.—Тигры.—Куванъ-джарма и ея печальные берега.—Мириады комаровъ.—Аму.

Изъ Чимбая выѣхали мы на другой день, къ вечеру, когда уже спала дневная жара, время, обыкновенно избѣгаемое для путешествій.

Намъ прислали сказать, что разлившіяся воды Кичейли и другихъ протоковъ затопили проѣзжую дорогу, и продолжать путь верхомъ не было никакой возможности. Пришлось нанять небольшой «каикъ» — и тронуться въ путь уже инымъ способомъ, на лямкахъ, вверхъ по теченію Кичейли, до самого Нукуса.

Обогнувъ Чимбай, какъ я уже говорилъ, Кичейли течетъ разѣвляясь на безчисленное множество арыковъ; такимъ образомъ, воды этого протока расходуются на орошеніе полей и только самая малая часть ихъ всасывается сыпучими песками, прилегающими съ этой стороны къ самому морскому берегу. Въ Чимбай еще живы кое-кто изъ стариковъ, помнящихъ, что ихъ протокъ доходилъ до самого моря, являя собою, такимъ образомъ, одинъ изъ рукавовъ Аму. Выше Чимбая Кичейли расширяется до пятнадцати сажень между берегами, имѣетъ ровную, совершенно достаточную для грузовыхъ судовъ глубину, и затѣмъ, соединяясь съ водами «Куванъ-джармы», доходить до самой Аму, уже около Нукуса.

Здѣсь мнѣ пришлось въ первый разъ увидеть аму-дарьинскихъ бурлаковъ, «каиьчи», какъ ихъ здѣсь называютъ. Бурлачество—явленіе вымирающее у насъ на Волгѣ, здѣсь, на Аму, живетъ еще полною жизнью.

Полуголые фигуры, въ однихъ рубашкахъ, подобранныхъ къ поясу, босоногіе, въ рваныхъ шапкахъ, совсѣмъ черныя отъ загара и грязи, сидѣли неподвижно, сверчившись на берегу и держа въ рукахъ лямочныя петли, терпѣливо ожидали, пока мы нагрузимся и устроимся въ своемъ кайкѣ.

Два каракалпака, съ длинными пестами въ рукахъ, стали одинъ на кормѣ, другой на носу лодки, крикнули что-то по-своему кайчанамъ; тѣ, не спѣша, поднялись, потянулись, запряглись въ лямки, согнулись, словно въ землю кому-то собирались поклониться, и пошли.

Они шагали мѣрно, нога въ ногу, словно машины какія-то, а не живыя существа. Слѣдъ въ слѣдъ ступали они по узкой

дорожекъ, протоптанной ихъ же собственными ногами, по самому краю обрывистаго берега.

Лодка пошла довольно ходко, вскапывая подъ носомъ глинистую воду; каракалпаки на лодкѣ помогали лямочникамъ шестами, когда каякъ подходилъ близко къ берегу. Подошли къ мосту; онъ весь былъ занятъ любопытными чимбайцами. Здѣсь намъ всѣмъ пришлось лечь на самое дно лодки, наклонить палатку и убрать все торчащее, потому что мостъ былъ очень низокъ и лодка едва-едва протискалась сквозь его узкій и мрачный пролетъ.

Начало темнѣть. Мы уже довольно далеко отошли отъ Чимбая. Каякчи запагали лѣннивѣ, и наконецъ попросили у насъ позволенія отдохнуть и покурить кальянъ, что, конечно, имъ и было позволено.

Справа и слѣва обѣ береговыя полосы были тщательно обработаны, чуть не на каждахъ десяти саженьяхъ виднѣлись входы бововыхъ арыковъ, иные запруженные, иные открытые для притока воды на поля; народъ копался за своею работою; изъ массъ зелени выглядывали верхушки кибитокъ и сторожевыхъ палашей, и опять слышенъ былъ знакомый звукъ чигирей и лѣнливое похуваніе усталыхъ животныхъ.

Черезъ полчаса мы снова тронулись въ путь и остановились на ночлегъ только тогда, когда уже совершенно стемнѣло, отойдя отъ Чимбая не болѣе двѣнадцати верстъ по изгибамъ протока и половина того по прямому направленію. Идя съ подобною скоростью, мы рассчитывали попасть въ Нукусъ раньше чѣмъ въ двое сутокъ.

Лодочники наши подтянули каякъ вплотную къ самому берегу, воткнули свои шесты и весла въ землю и раскинули полога изъ бумажной бѣлой ткани—«мата». Отказывая себѣ во всякомъ жизненномъ comfortѣ, самый бѣдный каракалпакъ не можетъ обойтись безъ этой роскоши, иначе, въ этой странѣ комаровъ и мошекъ, онъ не будетъ знать ни минуты отдыха и покоя. Даже днемъ носятся въ воздухѣ міриады этихъ проклятыхъ насѣкомыхъ, а въ ночи весь воздухъ такъ наполняется ими, что и двухъ минутъ нельзя провести покойно, не отмахиваясь всѣми силами отъ этихъ несносныхъ кусакъ, забивающихся вамъ въ носъ, въ ротъ, въ уши, забирающихся въ самыя незначительныя, сокровенныя прорѣхи вашего платья.

Ночлегъ безъ полога положительно немислимъ въ этой странѣ; разложенное курево, дымя и покрывая чадомъ весь bivуакъ, мало защищаетъ его отъ нападенія этихъ крылатыхъ легио-

новъ, и на смѣну гибнущимъ отъ дыма мириадамъ—летять другіе, свѣжіе и отравляютъ вамъ каждую минуту вашего отдыха.

Мы, оставшись на каякѣ, тоже растянули кисейные полога, укрѣпивъ ихъ на палкахъ, воткнутыхъ въ камышевыя обкладки лодочныхъ бортовъ.

Насъ, русскихъ, не считая туземцевъ-лодочниковъ, было не болѣе шести человѣкъ, считая и Иванова съ его переводчикомъ, оставившаго свой конвой въ Чимбаѣ. Спать всѣмъ разомъ, не обезпечивъ себя поставленнымъ на всякій случай часовымъ—было бы слишкомъ рисковано, тѣмъ болѣе, что еще въ Чимбаѣ мы были предупреждены о шайкахъ туркменъ, бродящихъ по близости въ камышевыхъ заросляхъ, у слиянія Кичейли съ Куванъ-джармою. Положимъ, что шестерымъ превосходно вооруженнымъ европейцамъ нечего бояться полудикой шайки въ двадцать или тридцать человѣкъ, плохо вооруженныхъ, но для этого надо было встрѣтить опасность во-время предупрежденными, а не врасплохъ, съ просонкою.

Мы раздѣлили ночь на смѣны; очередной усѣлся на бортъ лодки, вооружившись, кромѣ карабина, конскимъ хвостомъ на палкѣ—отмахивать комаровъ, а мы, свободные отъ стражи, полѣзли подъ пологи и заснули, убаюканные тихимъ плескомъ воды, скользящей по наружной сторонѣ лодки.

Около полуночи пришла моя очередь. Я вылѣзъ, осмотрѣлся:—ничего, темно, но не слишкомъ, видѣть можно; пожелавъ покойной ночи моему предшественнику, я занялъ его мѣсто, положилъ себѣ на колѣни берданку и неистово заработалъ хвостомъ, потому что разомъ очутился въ цѣломъ облакѣ комаровъ, звенящемъ на всѣ лады и сплошнымъ туманомъ застилавшемъ всю поверхность протока.

На берегу чуть-чуть искрились остатки костра, бѣлыми четырех-угольными массами виднѣлись полога каякчей, черными силуэтами торчали шесты... Соловей щелкалъ и заливался трелями въ прибрежной джунгловой чащѣ. Высоко-высоко въ воздухѣ что-то посвистывало, перелетая черезъ рѣку; на ближайшихъ затопленныхъ поляхъ квакали и бурлили лягушки, изрѣдка слышались на водѣ рыбы всплески, другіе звуки, непонятные какіе-то, незнакомые неслись въ ночномъ воздухѣ... холодная сырость пронизывала сквозь полотно рубашки, вызывая легкую дрожь и сонливую зѣвоту... А небо было такое прозрачное, глубокое, все сверкавшее звѣздами; млечный путь широкою свѣтлою полоскою тянулся отъ одного края до другого. Особенно ярко и опредѣленно виднѣнъ былъ хвостъ недавно появившейся кометы,

надѣлавшей такихъ тревогъ и сумятицы по всему низовому пространству.

Если у насъ, въ Петербургѣ, появленіе кометы волнуетъ иные умы и настраиваетъ ихъ на мистическій, пророческій ладъ, то что же должно надѣлать появленіе страшной, хвостатой звѣзды здѣсь, между дикарями, вся духовная сторона которыхъ зиждется на суевѣріи и боготвореніяхъ различныхъ явленій природы—но объ этомъ послѣ, до другого раза, а пока надо наблюдать свой постъ, а то пожалуй... тс!..

Я взвелъ курей и сталъ прислушиваться... голоса... да, точно...

Тихо, какъ тѣнь, скользя по теченію, плыветъ громадный кайкъ; снопы клевера, нагруженные на него цѣлымъ стогомъ, еще болѣе увеличиваютъ размѣры судна. Кажется, что будто цѣлая гора, темная, тяжелая, надвигается на васъ изъ мрака, готовая раздавить васъ однимъ своимъ прикосновеніемъ... Вотъ этотъ кайкъ поровнялся, прошелъ мимо. Тамъ все тихо, спятъ кайкичи, предоставивъ свое судно волѣ теченія; только подъ однимъ изъ пологовъ слышится тихій, монотонный говоръ... Прислушиваюсь, такъ: одинъ изъ лодочниковъ рассказываетъ другому какую-то безконечную сказку.....

«Однако, пора! созвѣздіе Большой Медвѣдицы запрокинулось почти къ самому горизонту; Сиріусъ блестящею, сверкающей точкою уже сквозитъ въ черныхъ заросляхъ, вотъ онъ уже надъ ними поднимается, дрожитъ на водѣ его серебристое отраженіе... скоро и разсвѣтъ. Моя смѣна прошла, иду будить товарища».

— Развѣ пора? недовольнымъ голосомъ мычить во снѣ нашъ метеорологъ.

— А!.. кто кого, какъ?!. испуганно вскакиваетъ и озирается его сосѣдъ.

— Получилъ... Анну на шею получилъ, и годовое невзачетъ... отчетливо бредитъ молодой казачій сотникъ, выдающій вѣроятно самое сладкое сновидѣніе.

Шайка шаваловъ подобралась къ самому берегу: послышались какія-то не то взвизгиванія, не то слезливыя всхлипыванья. Фу, какой отвратительный вой! эти проклятые горланы не дадутъ спать... Они всегда вотъ такъ, передъ разсвѣтомъ...

Громкій выстрѣлъ изъ карабина поднимаетъ на ноги весь бивуакъ; общая тревога... Всѣ внимательно присматриваются къ темной линіи противоположнаго берега; лодочники повысочили изъ-подъ пологовъ и лезутъ въ лодку, подъ прикрытіе нашихъ ружей...

— Это я по шакаламъ... сконфуженно оправдывается часовою...

Поднялись мы съ разсвѣтомъ, еще до солнечнаго восхода, и къ полудни были уже на половинѣ перехода къ соединенію Кичейли съ Куванъ-джармою. Берега здѣсь были густо поросшіе деревьями джигы и все тѣмъ же джингиломъ, пріятная густая зелень котораго такъ гармонировала съ пепельно-сѣрою листовою джиды и розовыми цвѣтовыми метелками...

Множество птицъ оживляло эти берега: фазаны безпрестанно вылетали изъ чащи, къ великой досадѣ яраго охотника, метеоролога, всегда опаздывающаго по нимъ выстрѣлить; красивые пчелоѣды тоже частенько проносились въ воздухѣ, оглашая его своимъ характеристическимъ крикомъ... Голубые зимородки, поднявъ вверхъ свои длинные толстые носы, сидѣли по берегу, рисуясь на его желтомъ, глинистомъ фонѣ, словно бирюза въ оправѣ.

Иногда виднѣлись вдали пеликаны и вереницы лебедей, поднявшихся съ сосѣднаго озера. Но людей, оживлявшихъ-бы эту мѣстность, не было видно вовсе; все было мертво и носило характеръ полного запущенія; только изрѣдка виднѣлись сквозь чащу остатки полуразобранныхъ, сгорѣвшихъ зимовокъ,—нѣмые свидѣтели тяжелыхъ годинъ, пережитыхъ каракалпакскимъ народомъ.

Протокъ Кичейли, на всемъ своемъ теченіи—съ небольшимъ сто верстъ, представляетъ превосходный водяной путь, благодаря своей глубинѣ, почти одинаковой на всемъ протяженіи протока. Частые промѣры дали намъ: наибольшую глубину 11 футъ, наименьшую $6\frac{1}{2}$, среднюю $8\frac{3}{4}$ ф. Еслибы протокъ этотъ былъ нѣсколько шире, то по немъ могли бы проходить всѣ суда нашей Аральской флотиліи.

Доказательствомъ судоходной важности протока служило между прочимъ и то, что не проходило и получаса времени, какъ мы то-и-дѣло встрѣчали кавки, нагруженные хлѣбомъ, кормомъ для скота, самимъ скотомъ и просто народомъ—пассажирскіе кавки, идущіе къ Чимбаю и къ Нукусу. Вверхъ все это тянется, какъ и мы—на лямкахъ, внизъ же спускается по теченію, на шестахъ и веслахъ, со скоростью восьми верстъ въ часъ,—что составляетъ весьма значительную въ судоходствѣ скорость.

Иногда намъ попадались просто плоты изъ камыша, плывущіе подъ наблюденіемъ одного или двухъ человѣкъ; на подобныхъ плоткахъ сплавлялся преимущественно клеверъ и строевой лѣсъ, кривой, тонкій, который у насъ и на дрова былъ бы за-

бракованъ, а здѣсь онъ—цѣнность, и цѣнность довольно значительная за немѣняемымъ другимъ, лучшимъ.

Въ продолженіе этого дня мы раза четыре останавливались на отдыхъ,—только. Меня, знакомаго уже съ азіатскою выносливостью, положительно удивляла эта неутомимость нашихъ лямочниковъ, тѣмъ болѣе что бичевникъ былъ крайне неудобенъ и трудно проходимъ въ этихъ густыхъ, сплошныхъ чащахъ, по берегу легко подмывающемуся, отваливающемуся на нашихъ глазахъ цѣлыми пластами.

Каикчамъ вѣрно было быть къ ночи на Куванъ-джармъ и только тамъ стать на ночлегъ, и они выбивались изъ силъ, чтобы исполнить это приказаніе.

Нѣсколько разъ наши бурлаки принимались запѣвать, и ихъ кадансированный напѣвъ весьма близко подходилъ къ нашей повожской «дубинушѣ».

Сходная работа, сходная жизнь родили и сходные звуки.

Торопливость нашихъ каикчей объяснялась еще однимъ обстоятельствомъ: они хотѣли до полуночи пройти сплошныя, низменные чащи, простирающіяся до самой Куванъ-джармы, и особенно густыя въ треугольнике соединенія ея съ Кичейли. Эти чащи не пользуются доброю славою: въ ихъ нѣдрахъ гнѣздится нѣсколько тигровыхъ семействъ, и бѣднякамъ, безоружнымъ каикчи, было бы весьма плохо, еслибы одна изъ этихъ крупныхъ полосатыхъ кошекъ подошла къ берегу во время ихъ прохода.

Мы и то слышали уже раза два невдалекѣ какой-то весьма подозрительный ревъ, заставлявшій каждый разъ каикчей прыгать въ воду, прямо съ кручи обрывистаго берега.

Было уже темно, и узнавать мѣстность стало трудно... Но, воть, показались признаки близости ночлега: каикъ нашъ раза два толкнулся своимъ плоскимъ дномъ, и разъ даже чуть совсѣмъ не сталъ на мель,—это начались песчаные перекаты, образовавшіеся при сліяніи водъ двухъ протоковъ.

— Джакымъ, джакымъ (близко)! весело забормотали ободрившіеся каикчи.

Этотъ ночлегъ былъ проведенъ также покойно, какъ и первый, и съ тѣми же предосторожностями. Мы опять выступили до солнечнаго восхода, какъ и вчера, съ тою только разницею, что вчера мы плыли по узкому Кичейли, сегодня-же вправо и влѣво разстилалась широкая Куванъ-джарма — хотя такая же мертвая, безлюдная, съ такими же берегами, заросшими непроходимыми

чащами джиды и джингила. Только ближе къ берегу, спускаясь въ самую воду, поднимались теперь стройные стебли тропическаго камыша съ широкими, ярко-зелеными листьями и розоватыми, цѣтовыми султанами... Дикій терновникъ кое-гдѣ выставлялъ свои колючія вѣтви... Въ заливчикахъ желѣли крупныя кувшинки, и словно серебряныя мелькали водяныя лиліи, съ своими широкими, распластавшимися по водѣ листьями... Раздолье дикарю, раздолье и рай для охотника, не дурно для разбойника и вора, которому есть гдѣ спрятаться; тяжело—для мирнаго хлѣбопашца, которому надо затратить много времени, положить много тяжелаго труда, чтобы очистить и завоевать себѣ хотя бы клочокъ земли, годный для обработки.

На берегахъ Куванъ-джармы стали намъ, хотя очень рѣдко, попадаться небольшіе аулы, бѣдные, малочисленные... Чахлыя, измученныя коровы, съ жалобнымъ мычаніемъ бѣгали по берегу и бѣсновались, не находя себѣ спасенія отъ комаровъ; двѣ-три лошади, отъ ушей до ногъ зашитыя въ войлоки, по той же причинѣ уныло стояли, опустивъ головы... Кибитки были разстановлены кое-какъ, будто недоѣдѣнные, кругомъ не прибрано, площадки не вытоптаны... Казалось, что все это только недавно, можетъ быть только вчера, пришло сюда и стало не надолго, вполнѣ готовое уйти опять и спрятаться въ чащѣ, а оттуда въ пустыню, при первомъ тревожномъ крикѣ, при первомъ выстрѣлѣ съ того ненавистнаго берега...

Не скоро еще успокоится мирное каракалпакское населеніе, и много еще нужно совершенно спокойныхъ и мирныхъ годовъ, чтобы забитый, запуганный народъ веселѣе и надежнѣе взглянулъ на все окружающее...

Къ полудню мы стали подходить къ повороту Куванъ-джармы, близъ сліянія ея съ Аму. Вдали виднѣлась уже мутно-желтая, водная полоса, волненіе на которой было замѣтно крупнѣе зыби, разбиваемой килемъ нашего каяка.

— Аму! Аму! указывалъ туда старый каракалпакъ-лодочникъ, и даже шапку снялъ по какому-то вдохновенію.

— Аму! Аму! покрикивали съ берега лямочники.

— Лагерь нашъ видѣнъ! — радостно произнесъ одинъ изъ пассажировъ.

Дѣйствительно, вдали, между кустовъ, на томъ берегу, за поворотомъ рѣки виднѣлась чуть замѣтная бѣлая точка. Это была рубаха русскаго часового.

Въ два часа пополудни мы пришли къ Нукусу и причалили

къ берегу, заставленному почти сплошь бѣлыми солдатскими палатками и цвѣтными пологами.

ХІІ.

Лагерь Нукусъ. — Немножко политики по поводу лагеря. — Укрѣпленіе. —
Юмуды съ арзомъ. — Наши маркитанты. — Въ дорогу.

Разгромивъ Хивинское ханство, повернувъ тамъ все вверхъ дномъ, русскіе ушли по своимъ домамъ, оставивъ на правомъ берегу Аму Иванова съ двумя батальонами пѣхоты.

Эта горсть, отрѣзанная громадными пустынями отъ ближайшаго подкрѣпленія, должна была поддерживать разъ заведенный порядокъ при самыхъ невыгодныхъ для того условіяхъ.

Хивинскій ханъ обязанъ платить контрибуцію. Денегъ у него лично нѣтъ; онъ самъ называетъ себя, въ своихъ письмахъ къ Иванову, байгушемъ—нищимъ, и это совершенная правда! Кто былъ въ Хивѣ, тотъ видѣлъ самъ обыденную жизнь когда-то грознаго владыки, въ его пустомъ дворцѣ, лишенномъ даже самой необходимой азіатской мебели—ковровъ.

Большая часть его мирныхъ подданныхъ, платившихъ безъ ропота и сопротивленія всякія подати, подчасъ непосильныя, отошла вмѣстѣ съ правымъ берегомъ и дельтою къ намъ; хану остались всѣ тюрменскіе роды, бывшіе до сихъ поръ только вассальными ханства. Тюрмены не знали другихъ податей, какъ натурою: они выставляли, по требованію хана, вооруженныхъ людей (нукеровъ) и платили извѣстную долю добычи своего грабежа.

Въ настоящемъ положеніи нукеровъ хану не нужно, ему воевать не съ кѣмъ; добычи отъ грабежа тоже взять не откуда: грабить запрещаютъ *«проклятые пришельцы въ бѣлыхъ рубахахъ»*, а деньги подай, возьми гдѣ хочешь... Эти деньги надо взять съ тюрменовъ, измѣнивъ форму податей, а тюрмены народъ вольный, знать не хотятъ никакихъ сборовъ и наотрѣзъ отказываютъ хану въ его требованіяхъ, смѣясь надъ его безсиліемъ.

Изъ русскаго лагеря хану предписываютъ озаботиться платежемъ контрибуціонныхъ суммъ. Ханъ отвѣчаетъ: «денегъ нѣтъ», ему пишутъ: — возьми съ тюрменъ; онъ отвѣчаетъ: «тюрмены не даютъ, берите сами...»

«Берите сами» значитъ надо переходить на тотъ берегъ и идти въ кочевья и ставки тюрменъ, т.-е. объявлять имъ войну.

Этого нельзя, не списавшись съ Петербургомъ, а переписка продолжается по полугоду,—время уходитъ.

Между тѣмъ, подобныя непосредственныя отношенія наши къ тюремѣнамъ не могутъ никакимъ образомъ вести къ дружбѣ и миру... Отношенія эти натянуты до-нельзя, почти открыто враждебны. Мы должны, въ свою очередь, ежеминутно ожидать со стороны тюркменъ набѣговъ на каракалпаковъ правой стороны, нашихъ новыхъ подданныхъ, мы должны закрыть ихъ, иначе можемъ ли мы требовать отъ нихъ полнаго подчиненія и довѣрія, когда тюрѣмены будутъ грабить ихъ подъ нашимъ носомъ.

А какъ закрыть всю границу,—протяженіе болѣе 600 верстъ,—съ двумя батальонами?!

Не стану вдаваться въ подробности политическаго устройства новаго нашего края и его отношеній къ сосѣдямъ,—это не составляетъ предмета моихъ разсказовъ; ограничусь только общимъ очеркомъ тактики, принятой Ивановымъ.

Оборонительное положеніе, въ строгомъ смыслѣ этого слова, здѣсь невымыслимо, значить, надо наступательное.

Построены два сильныхъ пункта: Шураханъ—Петрово-Александровское укрѣпленіе, верстъ полтора ста выше развѣтвленія Аму, на параллели съ самою Хивою, и укрѣпленіе Нукусъ, у самаго развѣтвленія, въ вершинѣ дельты.

Оба эти форта имѣютъ очень сильную, недоступную профиль, въ нихъ сложены запасы боевыхъ и продовольственныхъ матеріаловъ, и маленькаго гарнизона въ двѣ роты совершенно достаточно, чтобы всѣ попытки непріятеля атаковать ихъ были бы парализованы; съ остальными, свободными ротами Ивановъ выжидаетъ, въ полной готовности перебросить ихъ на лѣвый берегъ.

Доходятъ слухи, на примѣръ, что тюркмены перешли въ такомъ-то пунктѣ и грабятъ каракалпаковъ; идти туда бесполезно, за вѣтромъ въ полѣ не угоняешься. Ивановъ внезапно появляется тамъ, гдѣ его совершенно не ожидали, въ самомъ центрѣ родовъ, выславшихъ разбойничьи партіи. Наносится страшный ударъ, ударъ, наводящій панику на всю окрестность; подъ вліяніемъ этой паники подписываются всевозможные договоры, идутъ на всевозможныя соглашенія, и снова успокоивается страна до новаго повода къ такому же быстрому, рѣшительному удару.

Туземцы говорятъ про Иванова:

«Этотъ «Сары-сакаль»—здѣшній тигръ. Онъ нападаетъ тамъ, гдѣ его не ждутъ; онъ бьетъ больно, и у него ничего не пройдетъ безнаказанно. Съ миромъ иди въ его гнѣздо, онъ не тро-

неть и обласкаетъ, и дастъ подарки; съ войной не ходи, послѣ долго придется плакать.

«У него мало солдатъ, но эти солдаты не люди,—это дѣти шайтана, противъ которыхъ даже заклинанія недействительны.

«Сары-сакаль все знаетъ и все слышитъ, у него сто ушей и сто глазъ, его обмануть трудно».

Суевѣрные дикари добавляють:

«Огъ него пули отскакиваютъ и желѣзо тупится. Смотри на его бунчукъ (знамя)¹⁾: онъ красный, а по бокамъ у него черныя полосы. Красное—это кровь наша; черное—это печаль и горе. Ты спокоенъ, пока этотъ бунчукъ спокоенъ; твоя гибель, когда этотъ бунчукъ разовьется по вѣтру. Иди къ нему съ миромъ, онъ покроетъ тебя какъ халатомъ, и тебѣ будетъ тепло; иди съ войной—онъ смететъ тебя съ лица земли и превратитъ въ пыль».

Этотъ говоръ и рѣчи, переведенные мною съ буквальною точностью, совершенно ясно характеризуютъ личность Иванова и его тактику... Добавлять къ этому что-либо было бы излишнимъ.

Казалось, что такое положеніе вещей должно было бы совершенно унять хищниковъ, которымъ не одна попытка не проходила безнаказанно, но...

Но, какъ вы въ одинъ годъ переработаете всю натуру тюремъ—этихъ вольныхъ, кочевыхъ разбойниковъ, выработавшуюся въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ полной свободы, воли и безнаказанности?!

А къ этому добавьте подстреканія духовныхъ лицъ, вычитавшихъ въ своихъ книгахъ, что рано или поздно Аллахъ пошлетъ свою благодать вѣрнымъ сынамъ его и сотретъ въ прахъ гордыню «бѣлой рубахи». Последняя комета тоже не мало хлопотъ надѣлала; ее приняли какъ предвозвѣстницу той рѣшительной поры, когда мусульманинъ долженъ взяться за оружіе.

Только страхъ «волшебнаго бунчука» удержалъ ихъ отъ головнаго возстанія, отъ священной войны противъ невѣрныхъ. Хаззаватъ могъ вспыхнуть каждую минуту, но онъ не вспыхнулъ.

Вотъ тутъ и собирай контрибуцію!

Въ Нукусѣ дожидались Иванова тюремены-іомуды, пріѣхавшіе сюда съ просьбою (арзомъ) къ «Сары-сакуль-тюрь».

Это были два атлета съ горбоносими, совершенно кавказски-

¹⁾ Значекъ Иванова состоитъ изъ двухъ орденовскихъ лентъ: владимірской и георгіевской.

ми лицами, съ высокими, умными лбами и окладистыми бородами. Одного звали Ата-Мурадъ-ханъ, другого Иртыкъ-Мергенъ. На халатѣ перваго блестяли двѣ русскія медали, полученныя имъ за какую-то услугу сомнительнаго свойства, въ послѣднюю войну; впрочемъ, Ата-Мурадъ надѣвалъ эти украшенія только тогда, когда прѣзжалъ къ намъ; у себя же дома онъ тщательно скрывалъ ихъ отъ постороннихъ глазъ, боясь навлечь на себя косые взгляды.

Тюрмены были вооружены пашками, ножами и длинными ружьями; они держали себя свободно и съ достоинствомъ, дружески протянули руки Иванову и вообще говорили съ нимъ какъ равный съ равнымъ...

Неподалеку стояли и ихъ кони, высокіе, красивые жеребцы, покрытые попонами. Тюрмены прибыли въ лагерь незадолго до насъ, и успѣли уже отдохнуть и переодѣться попараднѣе.

Сущность ихъ просьбы ярко характеризовала отношенія тюремени къ хану. Ата-Мурадъ имѣлъ тяжбу изъ-за земли съ однимъ изъ приближенныхъ хана, а прѣехалъ за рѣшеніемъ къ Иванову.

Понятно, что тотъ отказалъ ему въ просьбѣ, говоря, что оба истца—подданные хана и живутъ на его землѣ, что всякое вмѣшательство русскаго начальника въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстно...

— Какой онъ намъ ханъ,—возражалъ тюремень,—знать мы его не хотимъ: наша сила была, мы ни у кого не спрашивали, ханъ по нашему дѣлалъ; а теперь ваша сила, вотъ мы и пришли къ вамъ кланяться.

— А теперь вы подданные хана, — отвѣчалъ Ивановъ, — идите къ нему. Знайте, что было, то прошло; привыкайте къ новому порядку, какъ умѣете; привыкнете, хорошо вамъ будетъ; нѣтъ—сами знаете, что плохо. Ступайте.

— Вотъ какъ нынче!—не то удивленно, не то себѣ на умѣ,—произнесъ Ата-Мурадъ, и тотчасъ же переимѣнилъ дѣловой разговоръ на обыденный, совершенно частный, остался завтракать и пить чай вмѣстѣ съ нами и уѣхалъ, повидимому, пріятелемъ; только садясь на лошадь, замѣтилъ:

— Все въ волѣ Аллаха, а мы этой воли напередъ знать не можемъ.

— А своимъ скажи, чтобы смирно сидѣли, а то въ гости приду,—напутствовалъ его Ивановъ.

— Для такого гостя на угощеніе разоримся, а впрочемъ,

приходи: мы гостямъ рады,—улыбнулся Ата-Мурадъ и молодцовато поправился на своемъ покойномъ сѣдлѣ.

Такъ туркмены и уѣхали.

Пока укрѣпленіе Нукусъ строится, войска расположились лагеремъ по берегу Аму, занявъ полосу протяженіемъ болѣе версты. Солдатскіе бараки разбиты правильными рядами, съ улицами и переулками; вдоль этихъ улицъ прорыты канавы, въ которыхъ протекаетъ вода, накачиваемая цѣлой системой чигирей, устроенныхъ по берегу. Въ одномъ концѣ этого лагеря сгруппировался базаръ, гдѣ торгуютъ кое-кто изъ мѣстныхъ жителей, а больше наши маркитанты, слѣдующіе всегда за отрядами съ своимъ постояннымъ товаромъ: плохое вино, карты, табакъ и разныя жестянки по части гастрономіи. Но, увы! эти товары раскупаются мало... Сѣтуютъ маркитанты горько и вспоминаютъ старое доброе время... Теперь не то: солдаты пьютъ чай и почти забыли про водку, офицерство тоже записалось въ общество трезвости... Говорятъ маркитантамъ: «давайте намъ сукно, давайте бѣлье, давайте хорошій табакъ, давайте и вина, только хорошаго, хотя и немного»... «Нѣтъ, вздыхаютъ торгаши—что ужъ это за товаръ, что за торговля... То ли дѣло прежде, когда съ пьяныхъ глазъ всякую дряпь пили и деньги большія платили; прошли красные дни для русскаго торговаго человѣка, хоть совсѣмъ бѣги изъ лагеря».

— Да и ступайте, васъ, молю, никто не держитъ,—говорятъ имъ въ отвѣтъ на ихъ жалобы...

Пришлось этимъ шакаламъ торговли поджать хвосты и—или подчиниться новымъ условіямъ, или же закрывать свои бесполезныя лавочки.

Здѣсь, въ Нукусѣ, предполагено построить первую метеорологическую станцію и открыть постоянныя наблюденія. Нашъ метеорологъ остается здѣсь по этому случаю... Ивановъ уже принялъ мѣры, чтобы постройка шла быстро и можно было бы приступить къ дѣлу...

Дня три прожили мы всѣ въ Нукусѣ, невыносимо страдая отъ комаровъ. Даже двумъ работать (писать и рисовать) приходилось подъ кисейнымъ пологомъ. Несчастныя лошади нашей кавалеріи томилась безъ сна, задыхались отъ дыму навозныхъ костровъ и видимо приходили въ истощеніе... Каждый солдатъ обзавелся пологомъ; всѣ часовые вооружились, кромѣ берданки, вѣтвями джипгила и холщевыми полотенцами; люди нервныя, раздражительныя, доходили до изступленія...

— Проклятое мѣсто! — вотъ фраза — ежеминутно поражавшая ухо.

Въ дорогу, дальше!

— А въ Шураханахъ благодать! тамъ, вѣрите ли, ни единого комарика! — говорили прибывшіе изъ этой страны благодати...

Скорѣе туда. Тамъ встати предѣлъ и цѣль моей поѣздки.

XIII.

Въ заросляхъ. — Кишлакъ-Нукусъ. — Мостъ. — Обѣздъ по случаю разлива водъ. — Отдыхъ на Арыкъ-балыкъ. — Пески и арбы. — Ночлеги. — Гора Чалпыкъ съ развалинами. — Медрессе Ходжи-Ніаза и его угрюмые обитатели. — Озеро Ходжейли. — Приваль. — Шейхъ-джедлинскія горы. — Біѣ-базаръ и ханскій дворецъ. — Дмитрій ходжа и его сынъ. — Нѣчто о русскихъ пѣшыхъ по этому поводу.

Наканунѣ отъѣзда я послалъ своего джигита на тотъ берегъ, въ хивинскій городокъ Ходжейли, купить двухъ лошадей подъ верхъ. Часовъ черезъ шесть слуга мой возвратился съ покупкою. Это были двѣ очень порядочныя лошади, изъ которыхъ одна даже довольно породистая; обѣ онѣ стоили всего семьдесятъ рублей, съ попонами и головными уборами... не дорого!

Мы выѣхали передъ вечеромъ, часовъ въ шесть. Кавалькада состояла человѣкъ изъ двадцати казаковъ, одного офицера, и меня съ своимъ джигитомъ. Ивановъ обѣщалъ догнать насъ на второмъ переходѣ.

Багажъ нашъ шелъ на двуколесныхъ, тюркменскихъ арбахъ, въ одну лошадь; большею частью нѣкоторые изъ нихъ были и запряженныя быками, тоже по одному въ арбѣ... Эти приземистые, коренастые быки шли ходко, мало уступая лошадямъ въ скорости, зато значительно превосходя въ силѣ.

Узенькая дорога, вся изрытая колеями, выбитая, покрытая толстымъ слоемъ солонцеватой пыли, извивалась въ густыхъ чащахъ, кишившихъ комарами и мошками. Лошади фыркали и бѣсились, проходя этими чащами; всадники, завернувшись въ кисейные шарфы, связавши рукава, чтобы въ ихъ обшлага не проползали эти несносныя насѣкомыя, ѣхали молча, угрюмо... Мы гнали лошадей, чтобы скорѣй пройти заросли и выбраться на болѣе открытое мѣсто, гдѣ комаровъ сравнительно меньше, есть, по крайней мѣрѣ, возможность легко дышать, освободившись отъ этихъ удушливыхъ вуалей.

Влѣво желтѣютъ какіе-то высокіе станы; я свернулъ туда,

пробрался между двумя арыками и попалъ на обработанное поле, засѣянное хлопкомъ и джугарою... Съ большими усилиями, прыгая черезъ канавы и продираясь сквозь колючую чащу естественныхъ заборовъ, я добрался до этого зданія. Это и былъ кишлакъ Нукусъ, верстахъ въ десяти отъ нашего укрѣпленія... Это былъ положительно довольно сильный, укрѣпленный фортъ, въ которомъ маленькому гарнизону очень удобно защищаться отъ нападенія вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля...

Въ тѣсномъ четырех-угольномъ пространствѣ, окруженномъ стѣнами, было скучено до двадцати кибитокъ, вплотную одна къ другой. Только пѣшій могъ пробраться между этими кибитками. Всѣ онѣ были пусты—въ одной только мелькнула бѣлая рубаха испуганной моимъ появленіемъ старухи. Все населеніе кишлака было на работѣ въ полѣ, и когда я выбрался оттуда, то сквозь зелень фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ можно было замѣтить тамъ-и-сямъ копошащіяся полуголыя фигуры... Кто работалъ у чигирей, кто у шлюзовъ; женщины копались въ землѣ, дѣти сновали точно зайцы, прячась въ кусты и выглядывая оттуда любопытными глазѣнками. Была самая жгучая рабочая пора, и потому все, что только способно было работать, дома не сидѣло.

Вблизи русскаго лагеря каракалпаки не боялись появленія тюремъ и работали спокойно, надѣясь, что у нихъ не отнимутъ уже плодовъ ихъ тяжкихъ усилій, не вытопчутъ конями полей, за которыми столько возни, столько колоссальнаго труда, въ продолженіи не одного года, а цѣлыхъ десятилѣтій затрachenнаго.

Поля хлопчатника смѣнялись рисовыми, тѣ въ свою очередь смѣнялись табачными плантаціями; тамъ-и-сямъ желтѣли поспѣвающія уже дыни на бакшахъ, и словно тѣсь волновалась индійская конопля и джугари, — это красивое, полезнѣйшее растеніе центральной Азіи.

Ни одного плуга, никакого приспособленія; все одна и та же копотливая ручная работа — киркою и китменемъ, — работа на крохотныхъ квадратныхъ участкахъ, тщательно разбѣренныхъ, разобранныхъ чуть ли не по вершкамъ, наблюдаемыхъ такъ, какъ развѣ можетъ огородникъ наблюдать за своими парниками.

Что же дѣлать: борьба съ природою — борьба тяжелая; то, что разъ завоевано, бережется крѣпко, потому что, разъ потерявъ, земледѣлецъ не можетъ увѣренно рассчитывать, останется ли за нимъ второй разъ побѣда.

Я догналъ отрядъ и обозъ въ ту минуту, когда арбы переправлялись черезъ довольно широкій арыкъ по оригинальному

мосту. Этотъ мостъ имѣлъ видъ довольно крутой крыши на два ската: по одному скату поднимаются, по другому спускаются; гребень острый,—отъ спуска къ подъѣму перехода никакого,—разомъ. Все это держится на тонкихъ, но часто вбитыхъ сваяхъ; все сооруженіе дрожить и трещить, и вотъ-вотъ готово обрушиться въ арыкъ, со всѣмъ, что ему довѣрилось.

Казаки не рѣшались ѣхать черезъ этотъ мостъ и предпочитали илистый и топкій бродъ,—гдѣ лошади вязли по брюхо, но арбы не могли бы пройти бродомъ и должны были рисковать.

Арбы перетаскивались по одной; всѣ арбакепи хлопотали около очередной арбы, и, переправивъ ее, принимались за слѣдующую.

На наше счастье—переправа обошлась совершенно благополучно, хотя заняла и не мало времени.

— Нѣтъ, вотъ съ орудіями мы недавно побились тутъ,—ну, и было же работы!—сообщилъ мнѣ казачій офицеръ при семъ удобномъ случаѣ.

Перейдя полосу обработанныхъ полей, мы опять очутились въ дикой чащѣ, опять окунулись въ этотъ туманъ жужжащій и жалящій... Дорога пошла подъ гору; мы спускались къ Арыкъ-балыку, протоку, разлившемуся въ сторону песковъ длиннымъ заливомъ. Теперь время разлива воды, и намъ пришлось объѣзжать этотъ заливъ, а въ другое время его переходять въ бродъ, на селеніе Назаръ-ханъ. Опять кончились заросли, пошли сыпучіе песчаные барканы. Арбы подвигались съ трудомъ, медленно; часто приходилось къ нимъ припрягать казачьихъ лошадей... Мы подвигались впередъ не болѣе двухъ верстъ въ часъ, и къ полуночи, совершенно выбившись изъ силъ, стали на отдыхъ, — добравшись-таки до крайней точки объѣзда.

Несмотря на полога, несмотря на разложенные огни,—это былъ тяжелый, печальный ночлеги, о которомъ даже вспоминать нѣтъ охоты.

Съ распухшими лицами, съ руками, покрытыми пузырями, мы съ разсвѣтомъ тронулись далѣе, выбираясь на открытое мѣсто, гдѣ палящій зной и раскаленная, каменная почва показались намъ сравнительно раемъ.

Стали бивакомъ, сварили чай, напились и отправились далѣе.

Громаднымъ голубоватымъ конусомъ рисовалась передъ нами гора Чалпыкъ. По мѣрѣ приближенія, ея очертанія становились рѣзче,—она желтѣла на освѣщенныхъ сторонахъ, и на ея вершинѣ обозначались контуры полу-разрушенныхъ, размытыхъ

дождемъ, обвѣтрившихся стѣнъ старой крѣпости, происхождение которой древнѣе даже народныхъ легендъ здѣшняго края.

— Калмыки строили, — вотъ все, что мы могли узнать отъ ученѣйшихъ туземцевъ.

— А когда и зачѣмъ, добавляли они, — въ нашихъ книгахъ не сказано.

У подножья Чалпыка пріютилось медресе Ходжи-Ніаза; это было строеніе изъ жженого кирпича, съ фронтономъ въ буддійскомъ стилѣ и куполами въ видѣ полушарій. Оно было удалено отъ всякаго другого жилья, и здѣсь, на краю мертвой пустыни, разстилавшейся влѣво отъ дороги, оно было удобнымъ пріютомъ уединенія и созерцанія. Построенное, еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, однимъ муллою Ходжи-Ніазомъ, зданіе это уцѣлѣло въ тяжелые годы набѣговъ и безпорядковъ. Тюркмены ограничивались только тѣмъ, что обирали святыхъ отцовъ и ихъ учениковъ, — не трогая ихъ самихъ лично. Это медресе, по своему уставу и назначенію, соответствуетъ нашимъ монастырямъ... Удалившіеся отъ свѣта ходжи учатъ здѣсь корану приходящихъ и принимаютъ неофитовъ, желающихъ посвятить себя одинокой жизни...

Впрочемъ, по близости, рядомъ съ могилою самого Ходжи-Ніаза, стояла войлочная вибитка, гдѣ слышались женскіе голоса, стихнущіе при моемъ приближеніи.

Когда я подъѣхалъ къ воротамъ медресе, тамъ, на каменныхъ ступеняхъ, сидѣли два совершенно сѣдые старика, — они даже не взглянули на меня, не оборотили головъ на топотъ моей лошади и на бразгъ оружія.

Я пожелалъ имъ благополучія и попросилъ воды; мнѣ говорили, что во дворѣ медресе есть родникъ съ превосходною холодной водою, а пить хотѣлось страшно...

На мою просьбу послѣдовало гробовое молчаніе — я повторилъ... то же молчаніе, та же неподвижность, словно это были не люди, а изваянія

— Да что вы съ ними толкуете, ужъ это народъ такой — съ ними нешто можно чествомъ, подъѣхалъ ко мнѣ казакъ... Походите, я сейчасъ распоряжусь; у насъ живо!

Отъ слѣзъ съ лошади, закинулъ на луку сѣдла поводья и хотѣлъ-было войти во дворъ. Эта рѣшительность вывела стариковъ изъ ихъ оцѣпѣнія...

— Куда... постой! не ходи — я принесу самъ, — поднялся одинъ изъ нихъ...

Я началъ говорить муллѣ, что гостепріимство первая добродѣтель, что накормить голоднаго, а тѣмъ болѣе напоить жажду-

щаго путешественника прямая обязанность всякаго хорошаго человека, что и у нихъ въ коранѣ объ этомъ сказано, а они плохо слѣдуютъ ему, если молчаніемъ отвѣчали на мою просьбу...

— Ты невѣрный,—ты врагъ панъ—иди своею дорогою...—угрюмо отвѣчалъ старикъ.—Нашъ законъ говорить: не прикасайся къ гауру...

— Ишь ты вреть какъ,—замѣтилъ казакъ,—а деньги брать можно... Надѣсь господинъ полковникъ двадцать рублей имъ далъ, небось взяли, даромъ что отъ невѣрнаго. Это по вашему можно?..

— На, пей!—подошелъ съ чашкою другой.

Это было сказано съ такою ненавистью, сопровождалось такимъ злымъ взглядомъ изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ рѣсницъ, что я невольно подозрительно посмотрѣлъ на дно сосуда. Нѣтъ, вода чистая какъ стекло, всѣ узоры, всѣ трещины расписной чашки сквозять отчетливо... отхлебнулъ:—холодная, свѣжая такая, вкусная... Выпилъ чуть не всю чашку, бросилъ на ея дно немного серебряной мелочи—и поѣхалъ прочь отъ этого угрюмаго, мрачнаго гнѣзда фанатизма и несправедливости.

Вотъ они, враги, съ которыми намъ будетъ много возни, много борьбы, несравненно болѣе тяжелой, чѣмъ борьба со всѣми туркменскими родами этого берега. Это врагъ внутренній, противъ котораго наши скорострѣльные пушки и берданки недействительны—тутъ нужны инныя силы, иное оружіе.

Вдали синѣетъ скалистый кряжъ Шейхъ-Джейлинскихъ горъ, влѣво—песчаные холмы, за ними пустыня, правѣ зеленая полоса аму-дарьинскихъ береговъ, свѣтлая водная лента и, чуть-чуть замѣтная, волнистая линія противоположнаго берега. Оазисъ Нукуса и Назаръ-хана кончается, — мертвая мѣстность подходит вплотную къ берегамъ Аму; ее надо переѣхать, чтобы попасть въ слѣдующій оазисъ — Бій-базаръ, Шабасъ-вали и Шурахана. Словно зеркало, обрамленное зеленою рамой, виднѣется впереди озеро Шейхъ-Джейли, послѣдняя вода этого оазиса, мѣсто нашего отдыха.

Въ часъ времени мы добрались до него и расположились веселымъ бивуакомъ. Прекрасная, отстоявшаяся вода,—купанье въ ней,—ароматическій чай, отсутствіе комаровъ, словно боящихся этого близкаго сосѣдства съ пустынею... Даже животныя ободрились и весело ржали. Лошадей разсѣдлали и пустили на траву, стреноживъ предварительно, быковъ тоже выпресли...

— А къ ночи опять налетятъ *проклятые!*—замѣтилъ со вздохомъ казачій офицеръ, и отравилъ этимъ замѣчаніемъ все пріятное расположеніе духа.

На этомъ привалѣ насъ догналъ начальникъ аму-дарьинскаго отдѣла, сдѣлавшій верхомъ въ одинъ переходъ около семидесяти верстъ.

Лошади его конвоя были измучены; рѣшено было здѣсь почевать, а завтра, къ вечеру, поспѣть въ Бій базаръ. Туда былъ командированъ джигитъ, чтобы намъ выслали на встрѣчу смѣнные арбы и заготовили въ городѣ помѣщеніе.

Къ полудню слѣдующаго дня нашъ отрядъ переходилъ горное плато:—черная, словно покрытая углемъ, почва была лишена всякой жизни, всякой растительности; только громадныя ящерицы, въ аршинъ длиною, изрѣдка выглядывали изъ-за камней и неуклюже убирались прочь, заползая въ зияющія трещины... кованные копыта лошадей звенѣли, словно шли по чему-то металлическому, арбы катились легко и мало отставали отъ всадниковъ...

Надъ нами раскинулось небо—сѣрое, мглистое, раскаленный воздухъ мутилъ его голубую безконечность, оно словно спустилось ниже, словно надавило на эти угрюмыя, угловатыя очертанія скалистыхъ выступовъ...

Мы оставили арбы и пошли почти рысью, хотѣлось поскорѣе пройти эту непривѣгливую мѣстность, производившую на насъ впечатлѣніе могилы.

Вонъ, впереди, дорога оборвалась разомъ; ея продолженія не видно вовсе, тамъ начинается спускъ,—и снова передъ нашими глазами зазеленѣлъ безконечный горизонтъ, снова надъ головами раскинулось голубое небо.

У подножья горъ мы нашли арбы, дожидавшія насъ еще съ утра, и старшину бій-базарскаго, выѣхавшаго объявить, что помѣщеніе въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ готово.

Мѣстность стала очень похожа на ту, что была въ окрестностяхъ Чимбая. Опять сталъ появляться народъ, опять въ нашему кортежу прибавлялись все новыя и новыя конныя группы, и передъ закатомъ солнца мы въѣхали въ Бій-базаръ, въ сопровожденіи самаго многочисленнаго общества.

Кибитки для насъ были расположены въ саду бывшаго ханскаго дворца, подъ тѣнью развѣсистаго карагача, на берегу четырех-угольнаго прудика, «хауза»; передъ кибитками разостланы красивыя хивинскіе ковры, и на нихъ стояло множество блюдъ съ варенымъ рисомъ, пловомъ, лепешками, дынями, недозрѣлымъ виноградомъ и опять съ тѣми же неизбѣжными кувшинами съ кислымъ айраномъ.

Бій-базаръ уже имѣеть совершенно другой характеръ, чѣмъ города-зимовки каракалпаковъ; здѣсь преобладающее населеніе узбеки, и они придали своему городу фізіономію вообще городовъ Средней Азіи, съ полнымъ отсутствіемъ кочевого элемента. Тѣсно скученныя сакли, съ замкнутыми дворами, обнесены стѣною съ зубцами, башнями и рвомъ, наполненнымъ падалью и всевозможными нечистотами. Узкія, кривыя улицы, безъ плана и всякаго расчета, прорѣзываютъ городъ; въ центрѣ базаръ, по обыкновенію крытый—вотъ вамъ и все описаніе города. И это описаніе безразлично годится почти для всякаго азіатскаго города, съ самыми незначительными только измѣненіями.

Зато бывшій ханскій дворецъ невольно останавливалъ на себѣ вниманіе. Его высокій фронтонъ съ угловыми башенками, вырѣзными гребнями и узкими прорѣзами, выглядывалъ изъ-за деревьевъ окружающаго его сада. Правда, что все это было сбито изъ одноцвѣтной глины, все одинаковаго желтовато-сѣраго цвѣта, но это не мѣшало общему впечатлѣнію... Темная арка вела во внутренніе дворы, гдѣ были помѣщенія для женъ, для прислуги, интимныя сакли для самого владѣльца, но туда бы лучше не заглядывать. Все пусто, вездѣ груды конскаго навоза, вездѣ закопченныя черныя пятна отъ разложенныхъ огней... Бывшій дворецъ обратился въ караванъ-сарай, куда заѣзжаютъ съ лошадьми и арбами.

Понятное дѣло, что мы очень были довольны помѣщеніемъ своимъ на чистомъ воздухѣ, подъ роскошными, вѣтвистыми деревьями, а не въ этомъ дворцѣ—караванъ-сарай.

Странная личность явилась къ намъ, раскланялась съ Ивановымъ, какъ съ старымъ знакомымъ, поздоровалась по-русски и, не дожидаясь приглашенія, сѣла на коверъ и запустила въ блюдо съ виноградомъ свои руки.

Это былъ старикъ, съ клинообразною сѣдою бородкою, съ слегка горбатымъ носомъ, въ парчевой тюбетейкѣ на гладко обритой головѣ и въ шелковомъ зеленомъ халатѣ. По типу, по манерамъ, это былъ кровный узбекъ, но по-русски онъ говорилъ довольно хорошо, и видимо щеголялъ этимъ знаніемъ...

Это былъ Дмитрій-ходжа, о которомъ я еще прежде слышалъ довольно много интереснаго, теперь мнѣ его пришлось увидать лично.

Лѣтъ сорокъ-пять тому назадъ онъ былъ пойманъ туркменами въ то время, когда рыбачилъ съ своими товарищами у южнаго берега Каспійскаго моря. Всѣхъ рыбаковъ, связанныхъ вмѣстѣ цѣпью привели въ Хиву и распродали здѣсь поштучно.

Дмитрій тогда еще былъ совсѣмъ молодымъ парнемъ, понравился одному изъ приближенныхъ хана и былъ купленъ имъ за двадцать тиль,—около пятидесяти рублей. Черезъ годъ онъ уже былъ фаворитомъ своего господина, а потомъ перешелъ и къ самому хану, отцу нынѣ царствующаго Сеидъ-Рахима. Ловкій плутъ сумѣлъ поддержать милость ханскую до тѣхъ поръ, пока у него не отросла борода, затѣмъ роль его нѣсколько измѣнилась; его уволили отъ должности, давъ свободу, для чего онъ принялъ мусульманство и сталъ хивинскимъ гражданиномъ. Зная до тонкости всѣ мышиныя норы ханскаго дворца, всѣ придворныя интриги, всѣ слабости хана и сильныхъ міра сего,—онъ сдѣлался ходатаемъ по дѣламъ и приобрѣлъ себѣ такую практику, что скоро сталъ богатымъ человѣкомъ. При вступленіи на престолъ нынѣшняго хана, Дмитрій-ходжа успѣшилъ представить ему сына своего, очень красиваго мальчика, лѣтъ четырнадцати, который и занялъ мѣсто, подобное тому, что занималъ когда-то его отецъ. Этимъ онъ еще болѣе закрѣпилъ свои отношенія ко двору,—но тутъ разыгрались послѣднія событія, и Дмитрій-ходжа рассчиталъ, что около хана теперь менѣе выгодно жить, чѣмъ около русскихъ. Онъ перебрался на нашу сторону и явился къ генералу Кауфману въ числѣ освобожденныхъ плѣнныхъ.

На предложеніе ѣхать обратно на родину, въ одинъ изъ поволжскихъ городовъ, онъ наотрѣзъ отказался, и понятно—что ему дѣлать въ Россіи, давно имъ забытой, когда тутъ у него и семья, и состояніе, и связи?

Вообще, большинство русскихъ, прожившихъ въ плѣну болѣе пятнадцати лѣтъ, не желали возвращаться на родину... Можетъ быть, здѣсь говорили новыя привязанности, новыя привычки, а можетъ быть и боязнь прежняго русскаго крѣпостного быта.

Сначала Ивановъ очень обласкалъ старика, но потомъ, убѣдившись, какой это плутъ и пройдоха, держалъ его въ сторонѣ, ни въ чемъ ему не вѣрилъ, хотя при встрѣчѣ здоровался по-пріятельски.

Дмитрій-ходжа однако понялъ, что здѣсь ему уже не играть той роли, что прежде, при ханѣ; онъ сильно приунылъ и повѣсилъ голову... Онъ даже и здѣсь пустилъ впередъ своего сына, но, потерпѣвъ фіаско, ограничился только тѣмъ, что всегда возилъ его съ собою и одѣвалъ въ яркіе красные халаты.

Старикъ сидѣлъ у насъ цѣлый вечеръ, читалъ намъ наизусть множество старообрядскихъ молитвъ, сохранившихся еще въ его памяти, рассказывалъ эпизоды изъ священнаго писанія,—все съ

тою цѣлю, чтобъ разуверить насъ въ томъ, что онъ «будто бы, какъ говорятъ злые люди, принялъ мусульманство»; наконецъ, его прогнали и онъ ушелъ, обѣщая завтра непременно явиться вновь и привести съ собою своего красавца-сына.

Уже было довольно поздно; свѣчи въ бумажныхъ фонаряхъ оплывали и тухли. Мы разбили, больше по привычкѣ, свои полога и полѣзли въ нихъ спать до слѣдующаго утра,—до подъема снова въ дорогу.

§ XIV.

Шабасъ-вали.—Развалины старой крѣпости Минареть.—Отдыхъ въ ханскихъ садахъ.—Встрѣча на границѣ Шураханскаго района.—Слободка Петрово-Александровская.—Укрѣпленіе.

Оставивъ арбы идти самимъ собою, съ той скоростью, которая для нихъ возможна, мы выѣхали налегкѣ, рассчитывая къ полудню, къ самой жарѣ, дойти до Шабасъ-вали, отдохнуть тамъ, и съ вечернею прохлагою тронуться въ путь, а къ ночи прибыть на мѣсто, въ Шураханъ.

Скучная, однообразная дорога тянулась передъ нами. Издали виднѣлись, съ правой стороны больше, длинные ряды тополей и темныя группы карагачей. Обработанныя пространства встрѣчались рѣдко, мѣстами дорогу пересѣкали песчаные наносы; полуразрушенныя сакли и засыпанные, безводные арыки свидѣтельствовали о томъ, что было время, когда все это пространство цвѣло и зеленѣло, когда кипучая жизнь царствовала здѣсь, на этихъ пустыряхъ, отъ вида которыхъ въ настоящую минуту даже сердце тоскливо сжимается и пропадаетъ веселое состояніе духа.

Словно тонкая, свѣтлая черточка, виднѣлось на горизонтѣ какое-то строеніе.

— Это Шабасъ-вали, минареть тамошній,—указалъ нагайкою Ивановъ:—до него верстъ двадцать, а видѣнъ какъ на ладони...

Часа черезъ три скорой ѣзды—мы подъѣзжали уже къ стѣнамъ города. То, что казалось намъ городомъ издали, оказалось громадными грудями развалившихся стѣнъ. Эти развалины замѣтно охватывали обширное четырехугольное пространство, въ исходящемъ углѣ котораго возвышалась высокая башня въ видѣ длиннаго, усѣченнаго конуса; снизу эта башня подмыта дождевою водою; одна сторона совсѣмъ обрушилась, до такой степени, что страшно даже глядѣть на нее: такъ и кажется, что вотъ-вотъ рухнетъ этотъ колоссъ и засыплетъ дорогу своими обломками.

Узкія черныя окна, превратившіяся въ настоящее время въ

длинные трещины, зіяли на гладкой поверхности стѣнъ, вершина, должно быть, была наръзана зубцами, но теперь осыпалась и торчитъ вверхъ остроконечнымъ обломкомъ...

Не дорожатъ туземцы нисколько этими развалинами, свидѣтелями сѣдой древности. Азіаты вообще безъ вниманія относятся къ памятникамъ старины, хотя бы съ этими памятниками соединены были религіозныя воспоминанія. Яркимъ примѣромъ этого небреженія служатъ Тимуровы постройки въ Самаркандѣ, оставленные безъ всякаго присмотра и ремонта... Ходятъ смутныя преданія, что крѣпость Шабасъ-вали была построена еще аборигенами страны, до прихода мусульманскихъ завоевателей, значитъ, до Тамерлана; насколько эти преданія вѣрны, предоставляю судить и провѣрять археологамъ и историкамъ; я же, какъ скромный художникъ, только любовался этими оригинальными, угловатыми линіями желтыхъ развалинъ, такъ отчетливо рисующимися на темной синевѣ южнаго неба.

Городъ нынѣшній лежитъ влѣво отъ дороги, и совершенно теряется въ массахъ садовъ, его окружающихъ. Этотъ городъ совершенное повтореніе Бій-базара. Дорога не шла черезъ него, и я изъ любопытства, простительнаго туристу, свернулъ съ дороги и вѣхалъ въ темную арку его приземистыхъ воротъ.

Помѣсивъ вонючую грязь ногами моей лошади, заглянувъ въ ту и другую лавочку базара, купивъ кое-что изъ мѣстныхъ произведеній, я выбрался на свѣжій воздухъ и пріѣхалъ въ мѣсту привала, когда уже всѣ лежали въ растязку на коврахъ, а лошадей нашихъ проваживали мѣстные джигиты.

Бивуакъ былъ расположенъ въ саду Мотъ-Ніаза, одного изъ полководцевъ хана въ прошедшую войну. Самъ хозяинъ сохранилъ на него право собственности, и навѣдывается иногда сюда лѣтомъ, хотя большую часть года живетъ на лѣвомъ берегу, въ своемъ хивинскомъ домѣ.

Этотъ садъ былъ превосходно обработанъ и тщательно поддерживался; на всемъ была видна заботливая, хозяйская рука, и эта масса яркой, разнокалиберной зелени, эти дорожки, тщательно укатанныя и посыпанныя пескомъ, эти арыки, расчищенные, съ проточною водою,—прудь посрединѣ—все производило на глазъ такое пріятное впечатлѣніе, что отдыхъ здѣсь былъ однимъ изъ комфортабельнѣйшихъ отдыховъ.

Выбрались мы отсюда, какъ и предполагали, вечеромъ—намъ оставалось всего часа четыре пути и мы рассчитывали прибыть въ Шураханъ еще засвѣтло; такъ бы оно и вышло, если бы насъ не задержала на пути офіціальная встрѣча, под-

готовленная начальникомъ Шураханскаго района, на его границѣ.

Пока тянулась вся эта церемонія, а потомъ питье чая съ европейскою уже обстановкою, времени прошло довольно-таки,—и уже было совершенно темно, когда мы переваливались черезъ послѣднюю песчаную косу, подходящую почти подъ самыя стѣны русскаго укрѣпленія...

— Посмотрите,—сказалъ кто-то рядомъ со мною:—вонъ тамъ, видите, это наше кладбище!...

Вѣдь, на вершинѣ одного изъ песчаныхъ бугровъ, чернѣли знакомые силуэты крестовъ—ихъ было-таки достаточно; за одинъ годъ даже слишкомъ...

— Рыть легко, песокъ мягкій,—глубоко рыть можно,—говорилъ мнѣ сосѣдь.—Оно точно, что носить далеко, пожалуй, съ версту будетъ...

Впереди вспыхивало зарево, мелькали огни... виднѣлась улица, по которой сновалъ народъ... Окна сакель выходили на улицу и свѣтились издали правильными четырехугольниками, а на нихъ чернѣли крестообразныя перекладины рамъ... Русская рѣчь преобладала надъ азіатскимъ гомономъ—слышались даже женскіе голоса, и тоже русскіе—какой-то дѣтскій голосъ оралъ на всю улицу: ма-а-мка!..

Вотъ и первое русское поселеніе на Аму-Дарьѣ, зародышъ, быть можетъ, нашихъ будущихъ городовъ и селъ.

Нѣсколько семействъ женатыхъ солдатъ помѣстились здѣсь, подъ защитой крѣпостныхъ валовъ и русскихъ пушекъ; къ этимъ саклямъ пристроились маркитанты и кое-кто изъ туземцевъ, и основалась, такимъ образомъ, новая слобода, — названная Петрово-Александровскою.

За нею виднѣлись темныя стѣны самого укрѣпленія, изъ-за стѣны выглядывали длинные ряды тополей, коньки барачныхъ крышъ, надъ воротами торчалъ силуэтъ часового.

— Кто ѣдетъ? стой, что отъѣзъ? — неся оттуда обычный окликъ.

Мы сошли съ лошадей и вошли въ ворота уже пѣшкомъ... Въ воротахъ толпились офицеры, командиры отдѣльных частей, съ рапортами...

Наше путешествіе по Аму окончилось; теперь предстоятъ новыя работы, новыя изслѣдованія. А тамъ, обратный путь, напрямикъ, безводными степями Кызыль-бумъ.

Н. Б А Р А З И Н Ъ .

